

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

№7 (157)

2021

Редакционный совет

А. П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А. Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В. Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю. В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С. Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А. А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»

Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775

E-mail: info@law-journal.ru

Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 70180

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 31.07.2021

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 7.32

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О. Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В. В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А. А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор

С. А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

В. В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

И. А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А. А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В. Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А. Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М. Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П. В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р. И. Хансевяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е. М. Ашмарина**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Воронина Г.А. Этапы развития уголовной ответственности за плодоизгнание в Российской Империи	7
Гибадуллин Р.С., Меденцева Е.В. Особенности привлечения лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, к субсидиарной ответственности вне процедуры банкротства	10
Жаров С.Н., Бунин Е.С. О возникновении и развитии института уголовной ответственности за незаконный вывоз валютных ценностей за рубеж в дореволюционной России	18
Радощнова Н.В., Варфоломеева Т.В., Карлик С.М. Решение Нюрнбергского Международного Военного Трибунала как правовое основание криминализации преступлений против человечности	24

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Абашева Е.А., Колесникова Е.В. Реализация интеграционных процессов в сфере таможенной политики России — субъекта ЕАЭС, посредством информационного обеспечения	31
Мамедов С.Д. Правовое регулирование корпоративных договоров в зарубежных странах .	37
Якубов М.Л. Основные проблемы правового регулирования отношений корпоративного управления в США, ЕС и Российской Федерации	41

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Магомадов Э.М., Муртазалиева А.Х. Особенности концепции монетаризма в российской экономике	47
---	----

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ)	53
--	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПЛОДОИЗГНАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2021 **Воронина Галина Александровна**

доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины и английский язык»

Каспийский институт морского и речного транспорта филиал ФГБОУ ВО «ВГУВТ»

E-mail: gavoronina@mail.ru

В данной статье выделяются основные этапы становления уголовной ответственности за плодизгнание в России. На основе анализа различных нормативно правовых актов, регулирующих ответственность за данный состав преступления на различных этапах развития российского государства, автор выделяет три этапа развития уголовной ответственности за это преступление.

Ключевые слова: плодизгнание, правовой акт, уголовная ответственность, кодификация, преступление, детоубийство, незаконнорожденный, смертная казнь.

Прерывание беременности представляет собой одно из тех деяний, которое всегда расценивалось неоднозначно, что связано, прежде всего, с морально нравственной оценкой этого явления обществом и резко негативным отношением к нему всех мировых монотеистических религий.

Становление и развитие правовой категории «плодизгнание» в российском праве имеет свою историю. Условно можно выделить три этапа развития уголовной ответственности за это преступное деяние. Выделение этих этапов обосновывается принятием правовых актов, отличающих содержание преступного деяния — изгнания плода, и изменения в установлении уголовной ответственности за совершение данного преступления:

1. появления первых правовых актов, защищающих плод (с начала X до XVII века);

2. становление института плодизгнания в Российской империи (XVII — первая половина XIX вв.);

3. кодификация норм об ответственности за плодизгнание (середина XIX — конец XIX вв.).

1. До XVIII века светское законодательство Русского государства не содержит статей, прямо указывающих на ответственность за плодизгнание. Так, в Уставе князя Ярослава Мудрого в пространной редакции основного свода ст. 5, 6 содержатся нормы, которые осуждали женщину, виновную в избавлении от плода, от новорожденного младенца, в рождении внебрачного ребенка, заключением в церковный дом и наложением на нее епитимьи (трехлетнего поста) [1], а понятия «детоубийство» и «избавления от

плода» в этих правовых актах не дифференцировались.

Второй период развития уголовной ответственности за плодизгнание связан с принятием Соборного Уложения 1649 года [2] и принятых в 1669 году Новоуказных статей о разбойных, татевных делах и убийствах [3], а так же Устава Благочиния 1782 года нормы которого содержали положения, позволяющие разграничить проступок и преступление [4].

Необходимо отметить, что в указанный период отсутствовала четкая система норм об изгнании плода. Прерывание беременности на любом сроке не ограничивалось от убийства новорожденных детей и входило в понятие детоубийства, которое считалось грехом, а не преступлением. Отраженное в уставах русских князей каноническое византийское право видело в детоубийстве, скорее, не посягательство на жизнь, а посягательством на христианские устои семьи и нравственности, в связи с чем, наиболее тяжким по каноническому праву считалось убийство незаконнорожденного младенца его матерью. На истребление плода распространялись нормы Соборного Уложения 1649 года об убийстве новорожденного «незаконно прижитого» младенца, либо постановление об убийстве родителями своих законных детей.

Нормы уголовного права об убийстве (а плодизгнание в данный период рассматривалось как убийство и не выделялось в разряд самостоятельного вида преступлений) были рассредоточены по отдельным законодательным актам [5].

Ввиду отсутствия норм, непосредственно регулирующих прерывание беременности, можно

предположить, что с точки зрения права, сам плод еще не воспринимался как личность, а отнесение убийства незаконнорожденного ребенка к квалифицированным видам убийства имело главной целью преследование незаконного сожительства и блуда и лишь затем самого факта лишения жизни младенца. По мнению А. Д. Любавского, это было сделано с целью воспитания нравственности народа [6. С.12].

В XVIII — первой половине XIX вв. принимались также акты, которые были призваны способствовать борьбе с антисоциальными явлениями, разгульным образом жизни, прелюбодеянии и т.д. [7] В этот период появляются законодательные акты, направленные на защиту беременных женщин [8], новорожденных детей, прижитых в блуде [9] и др. Государственная власть не только принимает меры по борьбе с антисоциальными явлениями, но и активно способствует развитию медицины и повивального искусства [10].

Третий период — период систематизации норм уголовной ответственности за плодозгнание, связан, прежде всего, с принятием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [11], с последующим его переизданием в нескольких редакциях. Начиная с 1845 года, законодательство Российской империи выделяет прерывание беременности в самостоятельный состав преступления, который непосредственно примыкает к детоубийству, но обладает специфическими чертами. Данное преступление именуется как вытравление пло-

да, умерщвление плода, изгнание плода, плодозгнание, плодозгнание, плодозгнание, плодозгнание.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных стало первым в истории российского права нормативным актом, выделившим плодозгнание в самостоятельную правовую конструкцию. Были определены субъект, объект и содержание данного преступного деяния. Принятые позже Устав судебной медицины, врачебные уставы, определяли порядок исследований мертвых тел как умершей женщины (в том числе беременной), так и тела найденного новорожденного ребенка или изгнанного плода [12], что способствовало дальнейшему развитию института уголовной ответственности за плодозгнание.

Для упорядочения торговли медицинскими препаратами, особенно ядовитыми веществами, которые могли использоваться в качестве плодозгоняющих средств, была запрещена, свободна продажа ядовитых веществ [13]. В начале XX века было продолжается развитие системы врачебного родовспоможения, и медицинской подготовки повивальных бабок [14] и др.

В целом, нормы уголовной ответственности за плодозгнание в Российской империи отражали религиозное сознание общества, трактуемое плодозгнание как тягчайший из грехов, строго регламентируя законодательно это деяние и предусматривая за него, последовательно, такие виды наказания, как смертная казнь, тюремное заключение, ссылка.

Библиографический список

1. Устав князя Ярослава Пространная редакция. Законодательство Древней Руси/ [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] Дата доступа: 22.06. 2018//<https://mydocx.ru/6-18554.html>.
2. Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 1. 1649–1675 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.
3. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том I. № 431.
4. Устав Благодочиния 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXI. № 14379.
5. Воинский устав от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 3006; Морской устав от 15 января 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. № 3485 и др.
6. Любавский А. Д. О детоубийстве // Юридический вестник. 1863. Вып. 37. № 7. С. 1–29.
7. Инструкция старостам поповским, или благочинным смотрителям от Святейшего патриарха московского Адриана от 22 декабря 1697 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. III. № 1612; Именной указ, объявленный Генерал-полейцмейстером Чичериным от 4 мая 1765 г. «Об отсылке вдов и девок за праздность и беспорядочное поведение на поселение в надлежащие места за караулом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVII. № 12391 и др.;

8. Указ сенатский от 9 апреля 1785 г. «Об освидетельствовании служанок, подозреваемых в беременности, через повивальную бабку и о непринуждении до воспоследования родов к тяжелой работе» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. № 16.178; Именной указ от 7 февраля 1718 г. «О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 3154 и др.
9. Именной указ от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквях госпиталей для приему и содержания незаконнорождаемых детей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 2953; Сенатский указ от 10 января 1771 г. «О доставлении младенцев, подкидываемых частным людям, в Воспитательный дом» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. № 13554 и др.
10. Указ от 29 апреля 1754 г «О порядочном учреждении бабичьева дела в пользу общества» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIV. № 10214;
11. Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение 1. 1845. № 19283.
12. Устав судебной медицины 1857 г. // Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб. 1857. Ст.1738; Устав врачебный 1857 г. // Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб. 1857. Ст.184.;
13. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 17 июня 1830 г. «О правилах для продажи ядовитых и сильно действующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. № 3730; Высочайше утвержденный Устав Аптекарский от 23 декабря 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. Отделение 2. № 9808; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 28 июля от 23 июня 1852 г. «О правилах раздробительной продажи ядовитых и сильнодействующих веществ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVII. Отделение 1. № 26397 и др.
14. Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 5 января 1901 г. «Об учреждении при Кушкинском местном лазарете должности повивальной бабки» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т.XXI. Отделение 1. № 19540; Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу Главноуправляющего С.Е.И.В. Канцелярией по учреждениям Императрицы Марии от 1 февраля 1903 г. «Об учреждении в Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении новых должностей двух сверхштатных врачей и восьми сверхштатных повивальных бабок и о назначении всем 8-ми сверхштатным врачам и 8-ми сверхштатным повивальным бабкам постоянного вознаграждения» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т.XXIII. Отделение 1. № 22480.

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ФУНКЦИИ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА, К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВНЕ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА

© 2021 **Гибадуллин Равиль Сагитович**

аспирант кафедры правового обеспечения экономической деятельности
Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: gib-rav@yandex.ru

© 2021 **Меденцева Евгения Владимировна**

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения экономической деятельности
Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: medentsevae@mail.ru

Одной из новелл института субсидиарной ответственности при банкротстве, введенной в результате реформы 2017 г., стала возможность привлечения вне рамок дела о банкротстве контролирующих должника лиц к ответственности в случаях прекращения производства по делу о банкротстве ввиду недостаточности средств для покрытия расходов на проведение процедуры банкротства либо возвращения заявления о признании должника банкротом уполномоченному органу. В связи с этим арсенал средств привлечения руководителей юридических лиц к субсидиарной ответственности вновь пополнился.

Целью представленной работы является исследование особенностей привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, способствующее развитию доктринальных разработок по указанной проблематике и выработке новых предложений по усовершенствованию действующего законодательства. В частности, в работе анализируются нормы законодательства о банкротстве, определяющие круг лиц, обладающих правом на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве. Делается вывод, что в этой части в законодательстве содержатся несколько противоречивые и двусмысленные положения. В связи с чем, в работе предложено внести изменения и дополнения в п. 3 и 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве, устраняющие выявленные проблемы. Так, предлагается наделить кредиторов правом на подачу соответствующего заявления в случае прекращения производства по делу о банкротстве до введения процедуры наблюдения, а также устранить расхождения в определении круга лиц, имеющих право обратиться с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, предусмотренные в п. 3 и 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; банкротство; контролирующее должника лицо; прекращение производства по делу о банкротстве; возвращение заявления о признании должника банкротом.

ВВЕДЕНИЕ

До изменений законодательства о банкротстве, произошедших в 2017 г., контролирующие должника лица (далее — КДЛ) активно использовали прекращение производства по делу о банкротстве на основании, предусмотренном абз. 8 п. 1 ст. 57 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), т.е. отсутствия у должника средств на финансирование проце-

дуры, как инструмент, позволяющий избежать привлечения к субсидиарной ответственности, поскольку действующее на тот момент законодательство не предусматривало такой возможности вне рамок дела о банкротстве.

Схожие последствия возникали и в случае возвращения уполномоченному органу, который должен был доказать наличие у должника имущества, необходимого для финансирования процедуры*, заявления о признании должника

* Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 2.

банкротом.

Отдельные попытки привлечения руководителей юридического лица к ответственности напрямую за причинение убытков кредиторам предпринимались в судах общей юрисдикции*. Однако положительные решения по такого рода делам носили скорее единичный характер, а заявителем выступал, как правило, уполномоченный орган (федеральная налоговая служба), возможность которого обратиться с подобным заявлением в суд общей юрисдикции была поддержана в свое время Верховным Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ) [1, с. 58].

Вместе с тем, вектор развития современного законодательства о банкротстве становится все более «прокредиторским», а арсенал средств, направленных на восстановление нарушенных прав кредиторов, постоянно пополняется [2, с. 14]. Одной из новелл института субсидиарной ответственности, введенной в результате реформы 2017 г., стала возможность привлечения КДЛ к ответственности вне рамок дела о банкротстве за невозможность погашения требований кредиторов случаях прекращения производства по делу о банкротстве из-за отсутствия у должника средств на финансирование процедуры либо возврата заявления уполномоченного органа (подп. 1 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

При подобных же обстоятельствах привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности стало возможно и по-другому банкротному основанию — за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве (ст. 61.12 Закона о банкротстве). Указанные нововведения требуют более пристального внимания и переосмысления, что предопределило актуальность представленной работы.

Стоит отметить, что в последние годы наблюдается увеличение дел, связанных с привлечением руководителей юридического лица к субсидиарной ответственности по долгам организации-банкрота. Так, по информации Судебного департамента при ВС РФ в 2020 г. было

подано 5 672 заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. Из них арбитражные суды рассмотрели по существу 5109 заявления и удовлетворили 2997, что составляет почти 59%. К слову, годом ранее было удовлетворено примерно такое же количество заявлений, но процент результативности вырос — в 2019 г. подано 5 906 заявлений, удовлетворено 2 995, то есть 51%**.

Изучение судебной статистики позволяет обнаружить одну закономерность, имеющую непосредственное отношение к исследуемой теме. Интересно, что из 5 672 поданных в 2020 г. заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности 5482 были заявлены в рамках одной их процедур банкротства (5446 в отношении юридических лиц), т.е. вне процедуры банкротства подано только 190 заявлений, что составляет 3,3% от общего количества заявлений.

Кроме того, в 2020 г. в арбитражные суды субъектов РФ поступило 34321 заявление о признании юридического лица банкротом, из них 6256 заявлений возвращено. Всего же в 2020 было рассмотрено 24736 дел о банкротстве юридических лиц, из которых 8878 дел прекращено на основании отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов (в рамках одной из процедур — 2009 дел). Т.е. 6869 дел прекращено на стадии проверки обоснованности заявления.

Получается, что на 24736 рассмотренных в отношении банкротства юридических лиц дел приходится 5446 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, то есть в среднем на одно дело 0,22 заявления.

За рамками банкротства заявления могли подать заявители после возвращения заявления о признании должника банкротом или прекращения производства по абз.8 п.1 ст.57 Закона о банкротстве, т.е. на 6256 (возвращенных заявлений) + 8878 (прекращенных дел) приходится всего 190 заявлений, т.е. в среднем на одно «потенциальное» дело 0,0125 заявления.

Конечно подобные расчеты вряд ли могут

* См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 20.06.2016 № 33–23791/2016 // Судебные решения РФ: <http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn> — p1ai/41389122. Дата обращения: 26.05.2021 г.; Решение Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород по делу № 2–9723/2012 от 29.10.2012 // Судебные решения РФ: <http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn> — p1ai/35107894. Дата обращения: 26.05.2021 г.; Решение Орчевского районного суда Кировской области по делу № 2–94/2016 от 03.03.2016 г. // Судебные решения РФ: <http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn> — p1ai/12952744. Дата обращения: 26.05.2021 г.

** Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по делам о банкротстве за 2020 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670>. Дата обращения: 26.05.2021 г.

отражать реальное положение дел, поскольку неизвестно точное количество возвращенных заявлений именно уполномоченному органу по рассматриваемому основанию. Но даже без учета возвращенных заявлений, на «прекращенные» дела в среднем приходится только 0,021 заявления. Более того, в расчете также не учитывалось количество дел, в которых конкурсное производство было завершено (7125 дел). Хотя лица, чьи требования не были удовлетворены в ходе конкурсного производства, после его завершения также обладают правом на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности за рамками банкротства (п. 1 ст. 61.19 Закона о банкротстве), т.е. полученная выше цифра с учетом подобных дел окажется еще меньше.

Приведенная статистика показывает, что вне процедуры банкротства с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности заинтересованные лица обращаются значительно реже. С одной стороны, это может указывать на потенциал указанного механизма и необходимость дальнейшего развития его использования, но с другой — на возможные проблемы, связанные с его реализацией. И в том, и другом случае привлечение к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве требует более подробного рассмотрения.

Стоит признать, что в отечественной литературе проблемам субсидиарной ответственности КДЛ уделяется достаточно пристальное внимание. Огромный вклад в исследовании данной проблематики внесли О.В. Гутников [3–5] и И.С. Шиткина [6–8]. Также в последние годы по теме выпущено несколько монографий [9–11]

Вместе с тем, в указанных работах особенности привлечения к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве детально не анализируются либо и вовсе упоминаются вскользь. Исследований, посвященных непосредственно рассматриваемому вопросу, встречается пока относительно немного, большинство из которых весьма поверхностные [12–14]. В некоторых заслуживающих внимание работах особенностям процедуры привлечения вне рамок дела о банкротстве уделено внимание лишь отчасти, большая же доля приходится на общие вопросы [15; 16]. В других — рассматриваются субъекты, привлекаемые к ответственности [17], что, как представляется, особенностей процедуры привлечения вне рамок дела о банкротстве не отражает, поскольку субъекты

не отличаются от тех, что участвуют и в деле о банкротстве. Таким образом, можно констатировать, что обозначенная в работе тематика на сегодняшний день исследована в литературе недостаточно глубоко.

В этой связи цель представленной работы видится в исследовании особенностей привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, способствующему развитию доктринальных разработок по указанной проблематике и выработке новых предложений по усовершенствованию действующего законодательства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу исследования лег метод юридического толкования, объектом которого выступили нормы главы III.2 Закона о банкротстве, поскольку одной из главных задач, поставленных в работе, было детальное изучение указанных положений и уяснение заложенного в их содержании смысла. При этом с помощью анализа и сопоставления были выявлены противоречия и юридико-технические недочеты в некоторых рассматриваемых нормах. Также анализу подверглись ключевые позиции высших судебных инстанций РФ по исследуемой тематике, благодаря чему удалось нивелировать часть противоречий. В результате синтеза выявленных недостатков были сформированы предложения, направленные на их устранение.

Кроме того, в работе использовались методы правовой статистики — статическое наблюдение и статистический анализ, позволившие определить актуальность выбранного направления исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Прекращение производства по делу о банкротстве из-за недостаточности средств для финансирования процедуры банкротства

В соответствии с действующим законодательством прекращение производства по делу о банкротстве по основанию, предусмотренному абз.8 п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве, возможно, как на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом, т.е. до введения наблюдения, так и после начала процедуры банкротства.

При этом в зависимости от этапа вынесения определения о прекращении производства по делу круг возможных заявителей о привлечении КДЛ к ответственности несколько отличается. В связи с этим представляется необходимым рас-

смотреть подобный круг на каждом из указанных этапов.

1.1. До введения наблюдения

При буквальном прочтении положений п. 3 и 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве, предусматривающих возможность обращения с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, обнаруживается небольшое противоречие, на которое уже обращалось внимание в литературе [16, С. 51]. Дело в том, что такая возможность предусмотрена только по основанию, предусмотренному ст. 61.11 Закона о банкротстве, но, в то же время, по основанию, предусмотренному ст. 61.12 Закона о банкротстве, она прямо не установлена.

Вместе с тем, как представляется, развивать из этого проблему особо не стоит, поскольку ВС РФ уже исправил сложившееся недоразумение в Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53* (далее — Постановление № 53), указав, что с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности можно обратиться по любому из оснований, если «задолженность подтверждена вступившим в законную силу судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона». Хотя, как представляется, в целях гармонизации было бы уместно внести соответствующие правки и в текст самого законодательства.

Особо стоит отметить, что остальные лица, исходя из разъяснений ВС РФ, правом на подачу заявления в рассматриваемой ситуации не обладают. Компенсируются подобные ограничения, тем, что иные кредиторы могут присоединиться к поданному вне рамок дела о банкротстве заявлению (п. 52 Постановления № 53).

На заявителя возлагается обязанность по оповещению всех кредиторов о поданном заявлении через размещение информации в ЕФРСБ или иным способом по требованию суда (п. 53 Постановления № 53)

Важно учесть, что заявление считается поданным в интересах всех кредиторов, независимо от того указаны они в заявлении или нет. Кредиторы могут присоединиться к поданному заявлению в любое время до вынесения судебного решения путем письменного обращения

либо к заявителю, либо непосредственно в суд. В свою очередь заявитель должен проинформировать суд о присоединившихся лицах и несет ответственность перед ними в случае сокрытия такой информации (п. 54, 55 Постановления № 53).

Вместе с тем, указанные положения законодательства и позиция ВС РФ, не учитывают случай, когда заявитель по делу о банкротстве после прекращения производства по делу о банкротстве не станет обращаться с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности. В такой ситуации иные кредиторы, не обладая правом на подачу соответствующего заявления, становятся ограниченными в возможностях на защиту своих прав по сравнению с заявителем, что не отвечает принципу равенства.

Видимо, для того, чтобы получить возможность обратиться с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, остальным кредиторам потребуется вновь обращаться с заявлением о признании должника банкротом и вновь проходить процедуру прекращения производства по делу, что не соответствует принципам процессуальной экономии.

Кроме того, сама по себе возможность такого «второго круга» заявления о признании должника банкротом может вызывать сомнения в виду недопустимости повторного обращения в суд после прекращения производства по делу, установленной в п. 3 ст. 151 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Однако, в качестве контраргумента можно указать, что в рассматриваемой норме сказано только о спорах «между теми же лицами». Формально иные кредиторы на данном этапе еще не являются участниками дела о банкротстве, поскольку такой статус возникает с момента принятия требования кредитора к рассмотрению судом (п. 30 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60**).

Таким образом, кредиторы становятся перед выбором — либо ждать, когда заявитель по делу о банкротстве обратится с заявлением о привлечении КДЛ к ответственности (хотя этого может и не случиться), либо, не дожидаясь решения заявителя, самостоятельно обратиться с заявлением о признании должника банкротом. При этом не совсем понятно, что должен делать

* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. № 297. 29.12.2017.

** Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

суд, если одновременно будут поданы оба таких заявления.

Как представляется, решением указанной проблемы могло бы стать расширение круга лиц, обладающих правом на подачу заявления, включающее и остальных кредиторов, требования которых к должнику подтверждены вступившим в законную силу судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона.

Заявителю по делу о банкротстве, в свою очередь, необходимо предоставить возможность присоединиться к заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности, поданному ранее другим кредитором, так, как это реализуется сейчас в контексте п. 52 Постановления № 53.

Кроме того, на кредитора, первым подавшего заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, должны распространяться перечисленные выше обязанности по оповещению остальных кредиторов о поданном заявлении и информированию суда о присоединившихся лицах. Только при таком подходе устраняется неравенство в положении между всеми кредиторами.

1.2. После начала процедуры банкротства

Следующий рассматриваемый случай — прекращение производства по делу о банкротстве по основанию отсутствия финансирования, которое происходит в рамках одной из банкротных процедур. В этой ситуации круг возможных заявителей разнится в зависимости от основания для привлечения к ответственности.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве ими являются «кредиторы по текущим обязательствам, кредиторы, чьи требования были включены в реестр требований кредиторов, и кредиторы, чьи требования были признаны обоснованными, но подлежащими погашению после требований, включенных в реестр требований кредиторов». А согласно п. 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве — «конкурсные кредиторы, а также работники должника, в том числе бывшие».

Некоторые расхождения в приведенных случаях вполне объяснимы, например, указания кредиторов по текущим обязательствам в круге лиц, предъявляющих требования по ст. 61.12 Закона о банкротстве, невозможно что называется «по определению», поскольку такие требования возникают после принятия заявления о признании должника банкротом.

Но расхождения в описании остальных субъ-

ектах вызывают вопросы. В п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве законодатель делит кредиторов на «реестровых» и «зареестровых», а в п. 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве — на конкурсных кредиторов и работников. Как соотносить эти категории? Какой смысл законодатель заложил в эти различия? Требования работников должника что, не включаются в реестр? А «реестровые» и «зареестровые» кредиторы, они что, не конкурсные?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, нужно учитывать следующее. Во-первых, согласно абз. 2 п. 6 ст. 16 Закона о банкротстве требования работников о выплате заработной платы и выходных пособий включаются в реестр требований кредиторов.

Во-вторых, как правило, под «зареестровыми» кредиторами понимают либо «опоздавших кредиторов», т.е. заявивших требования после закрытия реестра требований (п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве), либо шире — кредиторов, чьи требования удовлетворяются после расчетов с кредиторами третьей очереди, т.е. в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

К подобным требованиям помимо «опоздавших», в частности, можно отнести требования:

- по сделке, признанной недействительной по банкротным основаниям (абз. 5 п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве);
- по субординированным облигациям (абз. 7 п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве);
- руководителей должника по выплате выходного пособия и иных компенсаций сверх установленного законодательством размера (п. 2.1 ст. 134 Закона о банкротстве);
- кредиторов об осуществлении первоначального предоставления в части основного долга (п. 15 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2019 г. [18]);
- контролирующих должника и аффилированных с ним лиц [19].

При этом «опоздавшие кредиторы» прямо именуются в законе конкурсными (п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве), а кредиторы по остальным указанным требованиям, с учетом разъяснений высших судов, обладают определенными процессуальными правами лица, участвующего в деле о банкротстве.

В этой связи, учитывая легальное определение конкурсного кредитора и перечень лиц, участвующих в деле о банкротстве (п. 1 ст. 34 Закона

о банкротстве), есть основания считать «зареестровых» кредиторов конкурсными.

В таком случае, непонятно, намеревался ли законодатель подобными двусмысленными выражениями ограничить кого-то из указанных лиц в праве на подачу заявления о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности? Как представляется, все же нет.

Предоставление возможности на подачу заявления «зареестровым» кредиторам является еще одним проявлением «прокредиторского» вектора развития в законодательстве, на котором, видимо, законодатель хотел сделать акцент. Вместе с тем, очевидно, что, дав такую возможность в случае привлечения к ответственности по одному основанию, было бы не логично не предоставить ее и по другому. То же самое можно сказать и в отношении права, предоставленного работникам должника, — нет никакой логики в его ограничении в зависимости от основания привлечения к ответственности.

Именно поэтому в разъяснениях ВС РФ не проводится различий между кредиторами так, как это сделано в п. 3 и 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве. Вместо этого ВС РФ использует обобщенные категории — «кредиторы и работники должника, чьи требования были признаны обоснованными и включены в реестр требований, в том числе в порядке п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве» (п. 28. Постановления № 53).

В связи с этим, представляется необходимым устранить двусмысленные и бессодержательные расхождения в определении круга лиц, имеющих право обратиться с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, предусмотренные в п. 3 и 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве, указав в п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве, что подобным правом обладают кредиторы по текущим обязательствам, а также конкурсные кредиторы и работники (бывшие работники) должника.

2. Право уполномоченного органа обратиться с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности

Уполномоченный орган, которым чаще всего выступает федеральная налоговая служба, традиционно является одним из наиболее активных участников в процедуре банкротства должника. Реализация публично-правовых функций и необходимость представлять интересы «казны» предопределяют безальтернативную обязанность уполномоченного органа обратиться с заявлением о признании должника банкротом.

В связи с чем уполномоченный орган обладает особым статусом в процедуре банкротства, существенно отличающимся от статуса кредиторов. При этом внедренные в ходе реформы 2017 г. правила о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности во многом упростили уполномоченному органу реализацию своих функций, добавив варианты возможных стратегий по взысканию задолженности за рамками дела о банкротстве.

2.1. В случае возвращения заявления о признании должника банкротом

Как уже отмечалось выше, уполномоченный орган при обращении с заявлением о признании должника банкротом должен доказать вероятность обнаружения у должника имущества, необходимого для покрытия расходов по делу о банкротстве, и в случае непредставления подобных доказательств заявление уполномоченного органа подлежит оставлению без движения с последующим возвращением (ст. 44 Закона о банкротстве).

В официальных разъяснениях ФНС России прямо указывается, что обращение с заявлением о банкротстве может происходить исключительно в целях получения определения о возврате заявления [20], поскольку после этого в соответствии с положениями п. 3 и 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве уполномоченный орган вправе обратиться с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве.

При этом, в соответствии с разъяснениями ВС РФ иные лица подобными полномочиями не наделяются (п. 30 Постановления № 53). Иными словами, право на обращение с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности при указанных обстоятельствах возникает только у уполномоченного органа.

Не совсем понятно, могут ли иные кредиторы присоединиться к поданному заявлению? Поскольку в разъяснениях ВС РФ не проводится различий между статусом заявителя, обратившегося с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, можно сделать вывод, что уполномоченный орган также подает заявление в пользу всех кредиторов и наделяется обязанностью по их оповещению о поданном заявлении и информированию суда о присоединившихся лицах (п. 51–55 Постановления № 53). Однако, для устранения сомнений было бы правильным указать на это в разъяснениях ВС РФ.

Выше в работе в п. 1.1. рассматривалась схо-

жая ситуация, и был сделан вывод о необходимости расширения круга возможных заявителей. В ситуации с возвращением заявления о признании должника банкротом уполномоченному органу, как представляется, подобной необходимости нет, поскольку указанная процедура несколько отличается от процедуры прекращения производства по делу о банкротстве.

В частности, обязанность предоставления доказательств вероятности обнаружения у должника имущества, необходимого для финансирования процедуры, установлена только у уполномоченного органа. В таком случае суд на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом уже получает подтверждение наличия достаточного имущества, поэтому прекращение производства по делу о банкротстве на этой стадии просто невозможно.

2.2. В случае прекращения производства по делу о банкротстве из-за отсутствия у должника средств для финансирования процедуры банкротства

Вместе с тем, вполне мыслима ситуация, когда, даже несмотря на предоставленные доказательства вероятности обнаружения у должника имущества, недостаточность средств для финансирования может обнаружиться уже в ходе рассмотрения дела о банкротстве, в связи с чем производство по делу может быть прекращено. Кроме того, уполномоченный орган может вступить в дело о банкротстве и после начала процедуры банкротства и не предоставлять эти доказательства.

Обладает ли уполномоченный орган правом на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности в такой ситуации? Как ни странно, но ответ на этот вопрос не так-то прост.

При буквальном прочтении п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве, получается, что уполномоченный орган наделен подобным правом только ... *в случае возвращения заявления о признании должника банкротом*. В остальных случаях, в частности, после прекращения производства по делу о банкротстве, упоминания о такой возможности в законе отсутствуют.

Однако, в п. 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве уполномоченный орган уже фигурирует среди возможных заявителей. Чем обусловлено такое различие? Неужто законодатель решил не предоставлять ограничить уполномоченный орган в праве на подачу заявления? Как представля-

ется, такое просто невыносимо, и дело все же в другом.

Выше уже упоминалась двусмысленность выражений, используемых в п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве, видимо, и в рассматриваемом вопросе проблема кроется в ней же. По всей видимости законодатель посчитал, что уполномоченный орган в контексте п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве вполне может быть отнесен к категории «кредиторов, чьи требования были включены в реестр требований кредиторов», а потому каких-либо дополнительных указаний не требуется. Но дело в том, что, поскольку уполномоченный орган не является кредитором с позиций гражданского правоотношения (не является участником обязательства), в терминологии Закона о банкротстве уполномоченный орган всегда противопоставляется кредиторам должника и наделяется особым правовым статусом. В этой связи не совсем понятна такая формулировка законодателя. Ничего другого, как списать это на юридико-техническую оплошность, просто не остается.

Таким образом, в дополнение к озвученным выше предложениям по уточнению круга лиц, имеющих право обратиться с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, уместно указать в п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве, что подобным правом также обладает уполномоченный орган.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате проведенного исследования было установлено, что действующее законодательство о банкротстве в части определения круга лиц, обладающих правом на подачу заявления о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве в случае прекращения производства по делу о банкротстве из-за недостаточности средств для финансирования процедуры банкротства или возвращения заявления о признании должника банкротом уполномоченному органу, содержит несколько противоречивые и двусмысленные положения.

В связи с чем предложено внести изменения и дополнения в п. 3 и 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве, устраняющие выявленные недостатки. В частности, предлагается:

- расширить круг лиц, обладающих правом на подачу соответствующего заявления в случае прекращения производства по делу о банкротстве до введения процедуры наблюдения, включив кредиторов, требования которых подтверж-

дены вступившим в законную силу судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона;

- устранить двусмысленные расхождения в определении круга лиц, имеющих право обратиться с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, содержащиеся в п.

3 и 4 ст. 61.14 Закона о банкротстве, указав в п. 3 ст. 61.14 Закона о банкротстве, что подобным правом обладают кредиторы по текущим обязательствам, конкурсные кредиторы и работники (бывшие работники) должника, а также уполномоченный орган.

Библиографический список

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.06.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 9.
2. *Гибадуллин Р. С.* Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при прекращении производства по делу о банкротстве либо возвращении заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом // Актуальные проблемы развития правовой системы в цифровую эпоху: материалы II Международного юридического научного симпозиума (15 сентября 2020 г., Самара). Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2020. С.13–16.
3. *Гутников О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. 488 с.
4. *Гутников О. В.* Субсидиарная ответственность за неисполнение обязанности подать заявление о банкротстве: новые правила // Хозяйство и право. 2018. № 2 (493). С. 92–108.
5. *Гутников О. В.* Ответственность контролирующих лиц по обязательствам ликвидированного юридического лица: pro et contra // Цивилистика. 2020. № 5. С. 214–246.
6. *Шиткина И. С.* Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Хозяйство и право. 2017. № 11 (490). С. 41–61.
7. *Шиткина И. С.* Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 2017. № 8 (487). С. 3–24.
8. *Шиткина И. С.* Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114–133.
9. *Лотфуллин Р. К.* Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. [Электронное издание]. М.: Saveliev, Batanov & Partners, 2021. 860 с.
10. *Рыков И. Ю.* Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента. 2-е изд. [Электронное издание]. М.: Статут, 2019. 195 с.
11. *Суворов Е. Д.* Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М.: Статут, 2020. 207 с.
12. *Долгорукий А. И.* Субсидиарная ответственность контролирующих лиц вне рамок дела о банкротстве // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 165–166.
13. *Жукова Т. В.* Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц вне рамок дела о банкротстве // Молодой ученый. 2021. № 16 (358). С. 254–256.
14. *Степанян Е. К.* Актуальные вопросы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц вне рамок банкротного процесса // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69–4. С. 129–131.
15. *Алтухов А. В., Левичев С. В.* Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве // Судья. 2018. № 4. С. 27–32.
16. *Светличный А. В.* Субсидиарная ответственность контролирующих лиц вне рамок дела о банкротстве // Economics. Law. State. 2019. № 6 (8). С. 49–70.
17. *Чечель В. М., Коваленко Т. С.* Проблемы привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 31. С. 619–626.
18. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.
19. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.
20. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // Официальный сайт Федеральной налоговой службы: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/6968310/. Дата обращения: 26.05.2021 г.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ВЫВОЗ ВАЛЮТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЗА РУБЕЖ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

© 2021 **Жаров Сергей Николаевич**

профессор кафедры Теории государства и права Института права
Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск
E-mail: serzhar@mail.ru

© 2021 **Бунин Евгений Сергеевич**

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Института права
Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск
E-mail: eugeny.bunin@yandex.ru,

Статья посвящена исследованию возникновения и развития уголовной ответственности за незаконный вывоз валютных ценностей за границу. Накопление золота и серебра и монет из этих металлов рассматривалось как обязательный элемент экономического могущества страны. Развитие законодательства показало переход от меркантилистских идей к протекционистским и далее к либерализации таможенной политики, хотя и крайне непоследовательной. Исследование позволило сделать вывод о конкретизации ограничиваемых к вывозу валютных ценностей: сначала это монеты, затем необработанное золото и серебро и изделия из них, а также ценные бумаги. Конкретизируются субъекты правоотношений, вначале купцы, затем вообще все проезжающие, выявляются специальные субъекты: дипломаты, а также банковские служащие и их хозяева. В работе применены диалектический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие методы.

Ключевые слова: история России, таможенная политика, валютные ценности, уголовная ответственность, меркантилизм, протекционизм, незаконный вывоз валюты, оплата агентуры.

В настоящее время совершение международных валютных операций является неотъемлемой частью экономических отношений возникающих между странами-участниками различных экономических союзов, объединений, договоров и соглашений. С возрастающим объемом валютных операций, связанных с экспортно-импортными отношениями, особое место занимает уголовно-правовое регулирование общественных отношений, возникающих при проведении финансовых операций, направленных на покупку/продажу товаров и услуг, предоставляемых нерезидентами, в рамках заключаемых внешнеэкономических контрактов.

Исторически сложившаяся взаимосвязь деятельности органов государственной власти, контролирующих и регулирующих органов, в области законного импорта/экспорта отечественной и иностранной валюты, определяет условия формирования контроля над осуществляемыми финансовыми потоками. Уголовно-правовой институт общественных отношений, возникающих в процессе взаимного развития международных

торгово-рыночных и финансово-денежных отношений в его современном виде представлен статьями 193 и 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Представляет определенный научный и практический интерес возникновение и развитие института уголовно-правовой ответственности за совершение незаконных валютно-денежных операций направленных на вывод денежных средств за рубеж. В нашем государстве с момента его возникновения этот институт развивался с достаточно хаотичной амплитудой. В связи с принятием крещения Киевской Русью произошли значительные изменения в области становления уголовного законодательства. Развитие внутренних и внешних торгово-рыночных отношений способствовало проникновению новых норм в правовую систему русского государства.

Первые упоминания о зарождающемся институте уголовно-правовых отношений можно обнаружить в Пространной редакции «Русской Правды». Согласно ст. 48 «Аже кто купец купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то купцю пред

послухи кунъ не имати, послуши ему не надобѣ, но ити ему самому ротѣ, аже ся почнетъ записать»*. Содержание статьи указывает на особое правовое регулирование общественных отношений складывающихся между торговцами при передаче денежных средств, для совершения торговых сделок местной и иноземной торговли. Таким образом, в процессе становления и развития государства и права выделялось значимое направление экономических правоотношений, связанных с перемещением капиталов при осуществлении торговли с иноземными государствами.

В ходе дальнейшего изучения источников древнерусского уголовного законодательства установлено, что развитие правового регулирования денежных потоков, и финансовых взаимоотношений касалось только событий, происходящих внутри государства. Псковская и Новгородская судные грамоты, Судебники 1497, 1550, 1589 годов регулировали уголовно-правовые отношения, складывающиеся в процессе осуществления уплаты пошлин в казну, правил торговли, наследства, дачу денег в долг под заклад, правил взыскания заемных денежных средств с чужеземцев.

Возрастающая необходимость регулирования денежных потоков не могла быть не отмечена комиссией, избранной земским собором в 1648 году, результатом деятельности которой явилось создание Соборного Уложения 1649 года. Данный правовой акт определил дальнейший путь развития и совершенствования уголовного законодательства в целом. Так, глава VI закрепила положение о проезжих грамотах в иные государства, эти нормы регулировали право торговцам совершать куплю-продажу товаров за пределами российского государства. Таким образом, можно провести аналогию с современными условиями, необходимыми для совершения внешнеэкономических операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов, а именно помимо заключения внешнеэкономического контракта необходимо открыть паспорт сделки, являющийся непосредственным основа-

нием для осуществления транзакции.

Дальнейшее развитие законодательства о регулировании международных финансовых операций связано с распространением в России идей раннего меркантилизма, одним из проводников которого был глава Посольского приказа боярин А.Л. Ордин-Нащокин. По его инициативе и под его редакцией был создан один из замечательных нормативных правовых актов Московского государства — Новоторговый устав 1667 г.

Важными новеллами устава были серьезные ограничения в торговых делах для иностранных купцов. Во-первых, их торговля была территориально ограничена: только в крупных пограничных городах Новгороде, Пскове, Архангельске, и по специальным разрешениям от русского правительства. Во-вторых, иностранцам запрещены были сделки друг с другом, а также торговля в розницу. В-третьих, сбор с иностранцев устанавливался более чем втрое выше, чем с русских купцов (6% собственно пошлина и 10% проезжая, а для русских купцов всего 5%)*. В-третьих, в уплату пошлин и товар принимались серебряные талеры, если же иностранец привозил не товар, а золотые и серебряные монеты, то получал различные льготы, в том числе освобождение от пошлин. Попытка утаить привезенные деньги могла закончиться крупным штрафом или даже полной конфискацией***.

Последующие упоминания о конкретных видах ответственности за совершение противоправных действий, связанных с выводом капитала за пределы государственных границ, в нормативно-правовых актах отсутствуют. Запреты на вывоз за границу золота и серебра в монетах и слитках, в изделиях — «в деле и не в деле» — неоднократно повторяются в указах Петра Великого****, однако причина здесь иная, чем в предыдущий период. По мнению К.Н. Лодыженского, протекционизм Петра существенно отличался от меркантилизма его предшественников, и он скорее пользовался средствами, к которым прибегали меркантилисты, чем разделял их принципы*****. Что же касается

* Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 1. М., 1984. С. 67.

** Громыко В.В. Основоположник русского меркантилизма А.Л. Ордин-Нащокин (ок. 1605–1680) // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2006. № 3. С. 131

*** Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 4. М., 1986. С. 128–129.

**** См. ПСЗ РИ. Соб. 1. Т. V. № 3441; Т. VI. № 3748.

***** Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 56.

санкции за нарушение такого запрета, она была стандартной для множества петровских указов: «под жестоким наказанием заказано».

Определенная либерализация таможенной политики во второй четверти и второй половине XVIII столетия коснулась и такого товара, как драгоценные металлы, но это не было устойчивой тенденцией. К примеру, Екатерина II в своем Наказе (ст. 343) сформулировала идею о возможности перемещения ценностей через границу посредством векселей, и соответственно невозможности запрета на такое перемещение: «после того, как посредством векселей богатства уже больше не принадлежат никакому особливо государству; и когда столь легко можно переносить оныя из одной области в другую; то худым надобно назвать закон недозволяющий располагать о своих землях по собственному всякаго желанию для учреждения дел своих, когда можно располагать о своих деньгах каждому по своей воле»*. Но введенный Екатериной II в 1793 г. таможенный тариф был запретительным, так как призван был сдерживать вывоз из страны золота и серебра**.

Процесс развития российской государственности в первой половине XIX века сопровождался небывалой активностью законотворчества. Данный процесс был обусловлен необходимостью глубокой и качественной систематизации многочисленных и разрозненных нормативно-правовых актов царской России. Один из плодов деятельности кодификационных комиссий того периода — проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года.

В проекте Уложения 1813 года, в главе 6 «О наказаниях за нарушения особенных государственных прав и принадлежностей», появляется статья, которая непосредственно закрепляет ответственность за совершение вывоза российской монеты за пределы территории государства, который в отделении третьем сформулирован следующим содержанием «О наказании за неподозволенный вывоз российской монеты». Статья 251 гласила «Кто из выезжающих из Рос-

сии за границу вывозит с собою, вопреки законным постановлениям, российские деньги или неподозволенное оных количество, на того, равно и на вспомогателей сего вывоза или обличенных в явном покушении к оному, сверх конфискации вывозимого, налагать денежную пеню против того вдвое». Если данное преступление совершалось повторно, то денежная пеня удваивалась, а если преступление совершалось в третий раз, то помимо взыскания вышеуказанной суммы лицо привлекалось к лишению свободы не менее 3 месяцев и не более двух лет, а также телесно и заключению в рабочие и смиренные дома***.

Однако статьей 253 проекта выделяется особый субъект, а именно дипломатические агенты и прочие представители правительства, для которых привоз или вывоз иностранных денег, золота, серебра и монеты всякого рода регулировался особыми актами правительства. Для дипломатических и разведывательных целей, поддержки агентов влияния в других странах требовались значительные средства. К примеру, руководитель внешнеполитического ведомства Екатерины II граф Н.И. Панин учил своих подчиненных: «Сотрудник иностранной коллегии должен уметь вербовать открытых сторонников и тайных осведомителей, осуществлять подкуп официальных лиц и второстепенных чиновников»****. А высокопоставленные чиновники иностранных государств ценили свои услуги российскому государству весьма недешево. К примеру, французский министр иностранных дел Шарль Морис Талейран в письме Александру I от 15 сентября 1810 г. Прозрачно намекнул, что в последнее время «несколько поиздержался», и просил полтора миллиона франков золотом*****.

И все же проект Уложения 1813 года не получил законодательного закрепления в качестве нормативно-правового акта, и не вступил в законную силу, однако сформулированные положения статей определили ход развития уголовного законодательства. Характерная для своего времени кодификация и систематизация статей

* Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 г. // <https://dslov.ru/na/na30.htm> (Дата обращения 25 апреля 2021 г.)

** Муравьева Л. А. Финансовая политика Екатерины II. // Финансы и кредит. 2010 г. № 22(406). С. 80.

*** Безверхов А. Г. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года: монография. Самара, 2013. С. 109–110.

**** Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 1. М., 1995. С. 96.

***** Там же. С. 108.

проекта Уложения 1813 года, предопределила дальнейший процесс развития нормотворчества в области уголовного права. И несомненно, что положения данного источника права были использованы при разработке Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Вышеуказанные статьи, регулирующие правоотношения, складывавшиеся в процессе ввоза/вывоза российской монеты, иностранных денег, золота, серебра, стали основой процесса разработки положений регулирующих движение капиталов.

В новом Уложении очень подробно описываются всевозможные составы преступлений и ответственность за их совершение. Объемный и достаточно сложный нормативный правовой акт регулировал различные варианты перемещения валютных ценностей через государственную границу, как законных платежных средств (в монетах и ценных бумагах, отечественных и иностранных), так и фальшивых, и золота в слитках, самородках и шлиховом песке.

В раздел седьмой «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны», главы второй «О нарушении уставов монетных» Уложения 1845 года* включены статьи, в составе которых указана уголовная ответственность за совершение преступлений связанных с внешнеэкономической деятельностью. Смежный с фальшивомонетничеством состав противоправного деяния определен положением статьи 595 Уложения 1845 года, согласно которой «кто заведомо впустит или привезет из-за границы российскую монету, сделанную в чужих краях, тот за сие подвергается наказанию по ст. 588, т.е. ссылкой в каторжные работы на срок от восьми до десяти лет, а также лишением всех прав и состояний, кроме того, провозимая или привезенная монета конфискуется. Однако противоправные действия с использованием атрибутов национальной валюты охранялись государством гораздо жестче, так в статье 597 предусматривалась более лояльная ответственность за незаконный провоз иностранной фальшивой монеты на территорию государства, помимо лишения всех прав и состояний виновный отправлялся в ссылку на каторжные работы на заводы сроком от четырех до шести лет.

Статьи 606 и 610 Уложения 1845 года предполагали аналогичный состав преступления, но

уже предметом совершения его выступали поддельные государственные кредитные билеты, билеты государственного казначейства, билеты других кредитных установлений, имеющие в общем обращении достоинство денег, фальшивые иностранные ассигнации и билеты, иностранные кредитные установления. Какие-либо дополнительные составы преступлений, связанные с перемещением денежных средств за пределы государства, в Уложении 1845 года отсутствуют, кроме того, уголовно-правовая ответственность наступала только при перемещении через государственную границу поддельных монет и денег. Таким образом, уголовно-правовые положения совершения межгосударственных валютно-денежных операций как отдельный самостоятельный правовой институт не были законодательно закреплены.

Представляет интерес развитие института уголовной ответственности за незаконный вывоз золота за границу в главе четвертой «За нарушение уставов горных». Ст. 643 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года установила такую ответственность «за вывоз через Азиатскую границу золота как в слитках, так и во всяком другом виде кроме лишь монеты и разных клейменных изделий, парчей, материй, галунов» и пр. предметов в виде наказаний, предусмотренных за кражу, и конфискации вывозимого**. Ответственность лица за совершение данного преступления предусматривалась положениями, охватывающими состав преступления связанного с кражей имущества (ст. 2159), так как предмет преступления являлся товаром при совершении внешнеэкономических сделок, а именно к «лишению всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ Сибирскихъ, или, буде онъ по закону не изъять отъ наказаній тѣлесныхъ, отдачѣ въ рабочій домъ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, или же вмѣсто того замѣняющему сие заключеніе наказанію розгами». Квалифицирующим признаком было количество вывозимого золота: если его стоимость превышала триста рублей, виновный приговаривался «къ липенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую, съ заключеніемъ на время отъ

* Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1912. С. 74

** Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб.: В тип. II отд. СЕИВК, 1845. С. 279–280

одного года до двухъ дѣтъ, или, буде онъ по закону не изытъ отъ наказаній тѣлесныхъ, къ наказанію розгами... и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ»*.

В редакции Уложения 1885 года (ст. 612) ответственность возникала при вывозе золота не только через азиатскую, но через любую границу: «за всякую без разрешения министра государственных имуществ, продажу, покупку и вывоз за границу золота в песчаном виде или в самородках...» также применялось наказание, предусмотренное за совершение кражи, а в качестве дополнительного — штраф в размере, вдвое превышавшем цену вывозимого золота**. По Продолжению 1906 г. наказание устанавливалось в виде тюремного заключения на срок от трех до шести месяцев и конфискации вывозимого драгметалла в казну***. Как видим, налицо явная либерализация наказания, связанная, на наш взгляд, с укреплением порядка и дисциплины как на горнодобывающих предприятиях, так и на границе, что сделало подобные преступления редкими и не наносящими существенного ущерба казне.

В главе девять «О нарушении уставов таможенных» регулировались правоотношения, возникавшие при совершении торговли между государствами. Положения статей охватывали уголовно-наказуемые деяния, возникающие в процессе тайного перемещения товаров через государственную границу. Согласно статье 759 «За тайный провоз мимо таможи золотой и банковской серебряной монеты российского чекана в количестве, подлежащем словесному или письменному объявлению, взыскивается: двадцать пять процентов со всей провозимой суммы»****. Кроме того, провозимая из-за границы российская серебряная разменная монета 72 пробы, а также медная монета нового чекана подлежали конфискации, и отсылались на монетный двор для переплавки. В соответствии с примечанием к статье привозить из-за границы российскую разменную медную и серебряную монеты запрещалось. Наказание в виде лише-

ния свободы либо ссылки на каторгу за совершение данного преступления не предусматривалось.

22 марта 1903 года императором Николаем II было принято новое Уголовное уложение. Данный нормативно-правовой акт содержал в своем составе общую и особенную части, количество статей сократилось более чем вдвое. Некоторые составы преступлений по объективным признакам были объединены, преступления против казны перестали выделяться как отдельная глава. Сведения о противоправных валютно-денежных операциях, связанных с перемещением денежных средств через границу, в данном правовом акте отсутствуют. Однако появляется новый участник производства незаконных финансовых операций, а именно статьей 322 закреплена ответственность содержателя банкирского заведения, меняльной лавки, лица заведующего ими, или состоящих на службе. «...виновный въ производствѣ воспрещенной законом или обязательнымъ постановленіемъ сделки наказуется денежною пеней не свыше двух тысяч рублей. Въ случаѣ повторенія такого проступка виновный наказуется: заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ и, сверхъ того, денежнымъ взысканіемъ не свыше трех тысячъ рублей»*****. Кроме того, данное должностное лицо освобождалось от занимаемой должности и лишалось права содержать банкирское заведение от одного года до пяти лет, а в случае повторного совершения проступка, навсегда. Новый способ совершения преступления с использованием возможностей кредитных и банковских учреждений получил законодательное оформление и заложил дальнейшее развитие составов преступлений, связанных с выводом денежных средств за рубеж.

Таким образом, на протяжении значительного времени мы наблюдаем развитие института уголовной ответственности, за незаконный вывоз валютных ценностей за рубеж, в ходе этого развития сначала регулируется сама возможность такого вывоза, затем вывоз запрещается полностью или частично, либо разрешается

* Там же. С. 858–860

** Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года/ Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб: тип. М. Стасюлевича, 1886. С. 308.

*** Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1912. С. 74

**** Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... 1886. С. 321.

***** Новое Уголовное Уложение. СПб.: 1903. С. 113.

определенное количество, либо снимаются все запреты, причем эти запреты достаточно хаотичны. Зато вполне планомерно уточняются предметы преступного вывоза: монеты, необработанные драгоценные металлы, изделия из них, позднее ценные бумаги. На протяжении рассматриваемого периода все более уточняется пере-

чень субъектов преступления: если изначально это купцы, в том числе иностранные, то позднее это любые лица, пересекавшие границу, а также владельцы банков и других финансовых учреждений и их служащие, использовавшие для совершения преступления свои служебные полномочия или возможности.

Библиографический список

1. *Безверхов А. Г.* Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года: монография / А. Г. Безверхов, В. С. Коростелёв. Самара: Издательство «Самарский университет», 2013. 192 с.
2. *Громыко В. В.* Основоположник русского меркантилизма А. Л. Ордин-Нащокин (ок. 1605–1680) // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2006. № 3. С. 128–131.
3. *Лодыженский К. Н.* История русского таможенного тарифа. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. 413 с.
4. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 г. // <https://dslov.ru/na/na30.htm> (Дата обращения 25 апреля 2021 г.)
5. Новое Уголовное Уложение. СПб.: Изд. Каменноостровского книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. 130 с.
6. *Муравьева Л. А.* Финансовая политика Екатерины II. // Финансы и кредит. 2010 г. № 22(406). С. 72–80.
7. Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 240 с.
8. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.
9. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.
10. Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1912. 202 с.
11. Указ сенатский об осмотре торговых людей, которые поедут за границу, не имеют ли они с собою червонцев, ефимков и серебра, и о даче им из отобранных денег указного числа на проезд. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. № 3441;
12. Указ именной о сложении долгов с денежных дворов; ... о невывозе за границу золота и серебра... Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. № 3748.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб.: В тип. II отд. СЕИВК, 1845. 922 с.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года/ Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб: тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

РЕШЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА КАК ПРАВОВОЕ ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

© 2021 **Радошнова Наталия Валерьевна**

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург
E-mail: radoshnova@bk.ru

© 2021 **Варфоломеева Татьяна Валерьевна**

бакалавр, юридический факультет
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург
E-mail: varfotatyana@yandex.ru

© 2021 **Карлик Софья Михайловна**

бакалавр, юридический факультет
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург
E-mail: soniakarlik14@gmail.com

Актуальность настоящей статьи даже не в том, что она публикуется в год 80-летия с начала Великой Отечественной Войны, а, в первую очередь, в нарастающем коме попыток переписать историю Великой победы и нивелировать её значение для человечества, уйти от криминальной сущности нацизма и его последствий. Именно итоги Нюрнбергского Международного Военного Трибунала послужили основанием для криминализации в уголовном праве многих стран преступлений против человечности. В российском законодательстве ответственность за такие преступления законодатель поместил в отдельный раздел Уголовного Кодекса Российской Федерации — Раздел XII. Преступления против мира и человечества.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, Международный Военный трибунал, преступления против человечности, криминализация преступлений военного времени

В этом году исполнилось 76 лет со дня победы России над фашистской Германией, но, несмотря на это, мы каждый год вспоминаем, какой ценой была завоевана эта великая победа. Любые события прошлого, оставаясь в памяти потомков, могут быть прочитаны по-разному: и как урок, помогающий избежать чудовищных ошибок прошлого, и как образец мужества и героизма, на который следует равняться.

Наша статья посвящается одному аспекту морфологического генезиса юриспруденции, напрямую связанному с событиями военных и послевоенных лет: мы попытаемся проследить основные вехи развития законодательства о преступлениях против человечности — от Нюрнбергского Международного Военного Трибунала и до настоящего времени.

Задолго до начала Великой Отечественной Войны, в 1928 г. в Париже, пятнадцатую ведущими мировыми державами был подписан Пакт Бриана-Келлога, в котором провозглашался от-

каз от войны и который рассматривался в качестве орудия национальной политики [1]. В числе этих стран была и Германия, которая, как показали дальнейшие события, условия Пакта выполнять не собиралась.

Война была развязана фашистской Германией, но еще до ее окончания стало понятно, что нацистским преступникам не удастся избежать ответственности за свои зверские деяния. Помимо погибших на фронтах в годы войны, огромным были потери среди мирного населения: только в концентрационном лагере в Освенциме за время войны было расстреляно, повешено и умерщвлено в газовых камерах более 4 млн. человек из разных стран Европы и СССР.

Решение о создании Международного Военного Трибунала для осуждения военных преступников европейских стран «оси» было принято представителями СССР, США, Великобритании и Франции 08.08.1945 г. в Лондоне вместе с Уставом Международного Военного

Трибунала, определившем порядок организации самого Трибунала и принципы его работы. При работе над Уставом возникало множество трудностей, так как главные партнеры антигитлеровской коалиции имели разные правовые системы (англосаксонскую, континентальную и социалистическую). Тем не менее, было найдено приемлемое для всех решение и сформирован уникальный процессуальный инструмент, который оказался действенным.

Учрежденный Международный Военный Трибунал имел право «судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран «оси» индивидуально или в качестве членов организаций, совершили любое из следующих преступлений:

- а) преступления против мира;
- б) военные преступления;
- в) преступления против человечности.

Международным трибуналом были приговорены к смертной казни через повешение 12 ближайших сообщников Гитлера: Г. Геринг, И. Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт и М. Борман (заочно). К тюремному заключению было приговорено 7 человек, из которых 3 к пожизненному — Р. Гесс, В. Функ и Э. Редер, остальные — к разным срокам: К. Дениц (к 10 годам лишения свободы), Б. Ширах (к 20 годам лишения свободы), А. Шпеер (к 20 годам лишения свободы), президент тайного совета К. Нейрат (к 15 годам лишения свободы).

Подсудимый Крупп фон Болен унд Гальбах, крупнейший промышленник и организатор перевооружения германской армии, был признан врачебной комиссией психически-нездоровым, в результате чего его дело было приостановлено Трибуналом.

Следует отметить, что в Нюрнберге Международный Военный Трибунал осудил далеко не всех немецких военных преступников. Благодаря содействию нескольких западных держав и США многие из них остались безнаказанными. Но и из тех, кто все-таки оказался на скамье подсудимых, не все были осуждены. Был оправдан Я. Шахт, который являлся президентом Рейхсбанка и министром без портфеля; Ф. Папен, посол Германии в Турции; уполномоченный по политическому радиовещанию Г. Фриче. Также следует отметить, что генеральный штаб, и высшее командование германских вооружен-

ных сил, по мнению Трибунала, не были преступными организациями.

Нюрнбергский Международный Военный Трибунал начался 20.11.1945 г. и продолжался до 01.10.1946 г. В рамках процесса было проведено 403 заседания, заслушано 166 свидетелей, изучены сотни тысяч письменных показаний и документов. Говоря о доказательствах, предъявленных суду, следует обратиться к словам выдающегося американского юриста Р. Джексона, возглавлявшего обвинение от США, который в своей речи указал на ужасающий и ошеломляющий характер доказательств, на то, что после их предъявления, подсудимым останется возможность разве что отрицать свою вину и говорить о незнании того, что творилось в нацистской Германии. Одним из таких доказательств в трибунале была демонстрация документального фильма о преступлениях нацистов в концлагерях, которой вызвал у подсудимых абсолютно разные эмоции: В. Функ (президент Рейсбанка) рыдал, в то время как Р. Гесс (заместитель фюрера в НСДАП) говорил, что не верит во все показанное в фильме.

Нюрнбергский процесс заставил задуматься мировое сообщество о легальной криминализации преступлений против человечества. Генеральная ассамблея ООН Резолюцией от 11.12.1949 г. подтвердила принципы Нюрнбергского трибунала, признав агрессивную войну, военные преступления и преступления против человечества — тягчайшими международными преступлениями.

В 1948 г. принимается Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него [4]. Через 20 лет после этого, в 1968 г. принимается еще одна конвенция, связанная с военными преступлениями, а именно Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [5].

В 1973 г. принимаются Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества [6].

Важным событием для международного сообщества стало создание Гаагского международного уголовного суда (далее по тексту — Гаагский МУС) в 1998 году. МУС стал первым постоянным действующим органом международной уголовной юстиции, который занимается преследованием лиц, обвиняемых в геноциде, военных

преступлениях, преступлениях против человечности. Первое решение, вынесенное данным судом, заключалось в признании виновным военачальника из Демократической республики Конго Томаса Лубангу Дьило в привлечении на военную службу и использовании в военных действиях детей в пятилетнем конфликте в Конго (1998–2000 гг.) [14]. Тем не менее, несмотря на значимость подобного органа международной юстиции, в решениях Гаагского суда в последние годы стали просматриваться определенная политическая направленность, что не всегда полезно для объективности решений.

Помимо постоянно действующего органа такого, как Гаагский МУС, история знает и случаи создания временных судебных органов, к числу которых относится и Нюрнбергский трибунал. Так, в 1994 г. был учрежден Международный трибунал по Руанде для расследования преступлений лиц, ответственных за геноцид, совершенный как на территории Руанды, так и на территории соседних государств в период с 1 января по 31 декабря 1994 г. Всего по делам трибунала проходило 93 обвиняемых, одним из которых был бывший полковник армии Руанды Теонесте Багасора. В 2012 г. он был приговорен к пожизненному заключению за организацию ополчения, участниками которого был народ хуту (господствовавшей этнической группа) под названием «Интерхамве», разработке и осуществление плана геноцида, в результате чего было умерщвлено более 800 тыс. человек из народности тутси [13].

Начиная с 2004 г., по инициативе России и других государств Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюции, направленные на борьбу с фашизмом и национализмом. Последняя принята 18.12.2014 г. и называется «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [8]. Соавторами этого международного акта стали в общей сложности 44 государства. В резолюции выражается глубокая озабоченность по поводу прославления нацизма в любой форме и бывших членов организации «Ваффен СС», а также попыток объявления коллаборационистов участниками национально-освободительных движений. Резолюция предусматривает принятие соответствующих мер на национальном уровне, в том числе и законодательных.

В мае 2014 г. в России была введена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма и несколько человек уже были осуждены в соответствии с законом. Аналогичные нормы содержатся и в законодательстве многих других стран. Например, в августе 2019 г., после того как в поселке Моглино Псковской области было обнаружено массовое захоронение узников концентрационного лагеря, находившегося во время Великой Отечественной войны на данной территории. Сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации (далее по тексту — СК РФ) было возбуждено уголовное дело по ст. 357 (Геноцид) УК РФ. Сотрудники ведомства указали на то, что были обнаружены останки 46 человек, смерть которых наступила в результате огнестрельного ранения в голову. Информация по данному расследованию была раскритикована ФСБ в июне 2019 г.

Отметим, что расследование Моглинского дела было начато еще в 60-е гг. XX в. К 1965 г. следствием была установлена судьба всех 34 охранников Моглинского лагеря: часть из них умерла, кто-то проживал за границей. В связи с наступлением политики проведения «холодной войны» получить более точные сведения правоохранительным органам СССР не представлялось возможным. В тот период времени наказание было вынесено только в отношении 4 человек: 22.09.1967 г. судебная коллегия Псковского областного суда постановила приговорить к высшей мере наказания 3 человек и 1 человек был приговорен к 10 годам лишения свободы в колонии строгого режима, поскольку на момент совершения преступления он был несовершеннолетним.

В настоящее время СК РФ расследует преступление без срока давности: казнь 214 детей в детском доме г. Ейска Краснодарского края в 1942 г. Палачи 9 и 10 октября 1942 г. убили воспитанников в газвагенах, их трупы сбросили в общую яму и закопали. Забирали их из детского дома партиями, рассказывая, что их везут на лечение, в баню, грузить семечки.

Одним из палачей следствие считает Г. Оберлендера, который числился в Зондеркоманде СС-10 «а» переводчиком. Когда стало известно о его преступлениях в годы войны, в декабре 2019 г. решением ВС Канады он был лишен гражданства, т.к. скрыл от властей свое участие в криминальном подразделении.

«В рамках расследования уголовного дела о

геноциде в октябре 1942 г. воспитанников детского дома г. Ейска ГСУ СК РФ направило запрос о правовой помощи в компетентные органы Канады с просьбой предоставить документы уголовных дел и иных судебных процессов в отношении Г. Оберлендера», — рассказали в СК РФ [12].

Президент Российской Федерации В.В. Путин в обращении к участникам Международного научно-практического форума «Уроки Нюрнберга» от 20.11.2020 г. в очередной раз указал на важность уроков Нюрнберга, необходимых для того, чтобы бороться с искажениями и фальсификаций событий Второй мировой войны, особенно — с лживым попытками реабилитировать и даже возвести в звание героев нацистских преступников. Глава государства также отметил, что

на настоящий момент в России продолжается процесс рассекречивания архивных документов, работа поисковых команд с целью расследования и раскрытия неизвестных, но, без сомнения, страшных преступлений прошедшей войны [15].

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в развитии законодательства о преступлениях против человечества Российская Федерация играла и играет одну из ключевых ролей. Благодаря тому вкладу, который внес Советский Союз в Нюрнбергский Международный Трибунал, на международной арене до настоящего времени не теряют свою актуальность вопросы, связанные с криминализацией преступлений против человечества в качестве превентивной меры против подобного рода преступлений.

Литература

Нормативные правовые акты:

1. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — 1930. — Вып. V. — С. 5–8.
2. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 30.10.1943 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Документы и материалы. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы. — 1944. — С. 363–364.
3. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08.08.1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — 1995. — Вып. XI. — М. — С. 165–172.
4. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 09.12.1948 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — 1957. — Вып. XVI. — М. — С. 66–71.
5. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26.11.1968 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. — С. 658–661.
6. Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества // Сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_principles.shtml (дата обращения: 19.04.2021 г.)
7. Документ СССР-93 из официального доклада, подготовленного польским правительством для международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс, сборник документов [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@ralexd/930612> (дата обращения: 20.04.2021 г.).
8. Резолюция, принятая Ассамблеей ООН от 17.12.2014 г. «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» // Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/160> (дата обращения: 18.04.2021 г.).

Юридическая литература:

9. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 1. — М.: Юридическая литература, 1999. — 762 с.
10. Орлов Д. Закулисье процесса века / Д. Орлов // Дилетант. — 2020. — № 4. — С. 14–17.
11. Федотов О. Процесс в цифрах и фактах / О. Федотов // Дилетант. — 2020. — № 4. — С. 18–19.

Электронные ресурсы:

12. В Канаде суд отказал Оберлендеру в приостановке дела // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210406/oberlender-1727108777.html> (дата обращения: 29.05.2021 г.).
13. Международный трибунал по военным преступлениям в Руанде приговорил к пожизненному заключению бывшего полковника армии Руанды Теонесте Багасору // Би-би-си [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7789000/7789524.stm (дата обращения: 29.05.2021 г.).
14. Международный уголовный суд вынес первый в своей истории вердикт // Право.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/69863/> (дата обращения: 29.05.2021 г.).
15. Обращение к участникам форума «Уроки Нюрнберга» // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64447> (дата обращения: 21.05.2021 г.).
16. Отрицание отрицателей. Как в России и Европе наказывают за реабилитацию нацизма // Медиазона [Электронный ресурс]. URL: <https://zona.media/article/2017/04/25/denial> (дата обращения: 25.05.2021 г.).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО;
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

УДК 339.5(470+571)
ББК 65.428(2Рос)-18

DOI: 10.14451/2.157.31

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ – СУБЪЕКТА ЕАЭС, ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

© 2021 **Абашева Екатерина Александровна**

кандидат юридических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Института экономики и управления
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород
E-mail: abasheva229@mail.ru

© 2021 **Колесникова Елена Валентиновна**

ассистент кафедры социальных технологий и государственной службы
Института экономики и управления
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород
E-mail: elena.kolesnickowa@yandex.ru

Разумное ведение дипломатических, экономических отношений, разработка и принятие единого законодательства в области таможенной политики в формате Евразийского экономического союза, безусловно способствуют укреплению и стабилизации международных отношений стран-участниц ЕАЭС. Реализуя совместные проекты, получающие закрепление на законодательном уровне, объединенные в Союз государства, обеспечивают защиту в том числе и национальных интересов экономик своих стран. В статье на конкретных примерах, показан «наднациональный» характер правовых норм, регулирующих информационное обеспечение в сфере таможенной политики и представлена их реализация на федеральном уровне российского государства.

Ключевые слова: информационное обеспечение, интеграционные процессы, таможенная политика, евразийская интеграция, наднациональный статус законодательства Евразийского экономического союза.

Современные Евразийские интеграционные процессы базируются не только на исторической, социальной, культурной, этнической общности народов, но и на политической и правовой идентичности. В современном мире, где государственная геополитическая ситуация, оказывающая влияние прежде всего на экономику государств остается весьма нестабильной, огромную роль в вопросах обеспечения геополитической безопасности государств играют информационные ресурсы, в связи с бурным развитием технологий, ставшие одной из движущих сил трансформации глобального информационного общества, реформирования национальных экономик государств, решения актуальных задач как на региональном, так и на международном уровнях.

Таможенная политика Российской Федерации, характеризуется единой концепцией и постепенностью эволюции правовой базы. Внешнеторговая деятельность российского государства подчинена, прежде всего, интересам

развития отечественного производства и пополнения государственной казны. Долговременный характер государственных задач, поставленных перед внешнеторговой политикой, предопределил и стабильное развитие законодательной базы российского государства.

Постепенная смена ориентиров в сфере таможенной политики российского государства, привела к необходимости пересмотра основ таможенного законодательства и принципов его содержания, что в свою очередь, требовало системного юридического оформления. Этому процессу способствовали такие объективные факторы в экономическом развитии Российской Федерации, как укрепление национальной промышленности и необходимость интеграции российской экономики и экономических интересов стран ближнего зарубежья, результатом чего стало принятие Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) в 2018 году [17].

Таможенная политика, являющаяся одной из

важнейших частей внешнеторговой деятельности любого суверенного государства и всегда направленная на защиту интересов своей страны на международной арене, безусловно нуждается в информационном обеспечении, которое в России закрепляется на законодательном уровне, о чем свидетельствует Глава 52 «Информационные системы и информационные технологии, используемые таможенными органами» Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ [9].

В российском государстве одним из приоритетных направлений выступает информатизация всех сфер государственного управления, являющаяся необходимым атрибутом обеспечения деятельности человека и гражданина, юридических лиц, общественных объединений, государственных структур всех уровней и непосредственно самого государства. Качество, точность и достоверность информации способствуют эффективности и результативности принимаемых решений на государственном уровне.

Понимание информатизации, в качестве процесса способствующего, с помощью перспективных информационных технологий, повышению эффективности применения информации, рациональному использованию информационных ресурсов и реализации многоплановых отношений в сфере государственной политики, позволяет говорить о значимости влияния информатизации на современные интеграционные процессы в сфере таможенной политики российского государства, действующего в интересах своего народа.

Построение и развитие принципов государственной политики информатизации с конца последнего десятилетия XX века в России, содержание которой сводилось к применению информационных технологий и системы информационных ресурсов, нашли свое воплощение в различных программах информатизации. Например, положения, разработанные Федеральной целевой программой «Электронная Россия» (2002–2010 годы) [10] и Государственной программой «Информационное общество (2011–2020 гг.)» [4] способствовали введению с 2014 года обязательного электронного декларирования.

Заключение 26 февраля 1999 года Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (между Республиками Беларусь,

Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией) [3 и создание 29 мая 2014 года Евразийского экономического союза (объединившего в своем составе Россию, Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызскую Республику) [2], целями которых являлась всесторонняя модернизация и кооперация, повышение национальных экономик стран участниц, проведение согласованной и единой политики в экономических отраслях, стало одним из значимых шагов на пути создания новых систем отношений в экономическом секторе стран-участниц экономических конгломераций государств.

Объединение стран в результате заключения Договора о создании ЕАЭС, вступившего в силу на законодательном уровне с 1 января 2015 года и основанного на принципе обеспечения «четырех свобод», предусматривающих формирование единого рынка товаров, капитала, трудовых ресурсов и услуг, позволило усилить не только интеграционные возможности в экономике государств, заключивших Договор, но и интегрировать общее информационное пространство. В этой связи нельзя не согласиться с мнением автора исследования предпосылок создания и развития Единого информационного пространства ЕАЭС, проведенного К.В. Якушенко отметившим, что сращивание государств в экономическом направлении требует перехода к системе взаимодействия, основанной на использовании информационных потоков и современных цифровых технологий и такая система обуславливает интеграцию информационного и экономического пространства [18, с. 42].

Образование ЕАЭС, безусловно, прежде всего ставит вопрос об экономической интеграции стран-участниц, заключивших Договор, в том числе и такой ее составляющей, как реализация таможенной политики, однако экономическая интеграция, по нашему мнению, подразумевает и интеграцию государств в информационной сфере. В международных отношениях, интеграция выступает одним из способов использования суверенитета стран на региональном уровне, для защиты своих экономических интересов.

В этой связи следует более подробно остановиться на рассмотрении значения и роли Евразийской экономической комиссии (ЕЭК, Комиссия), как одной из составляющей реализации информационного обеспечения посредством принятия в пределах своих полномочий решений, носящих нормативно-правовой характер и

являющихся обязательными для стран, заключивших Договор о ЕАЭС.

Евразийская экономическая комиссия, в структуре ЕАЭС, подчиненная Высшему Евразийскому экономическому совету и обладающая статусом «наднационального» органа управления, создана на основе Договора «О Евразийской экономической комиссии» от 18.11. 2011 г. [1] (утратившим силу 01.01.2015 г. в связи со вступлением в действие Договора о ЕАЭС) и как следствие, принятого в день подписания Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 г. — Положения о Евразийской экономической комиссии: Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС [15].

Комиссия, выступая в качестве постоянно действующего органа при ЕАЭС, использует вышеупомянутую дефиницию «наднациональный» статус, в двух случаях. Во-первых, когда закрепляется отсутствие наднациональной компетенции Союза при осуществлении координации в сфере внешней торговли услугами (Раздел IX «Внешняя торговля услугами», ст. 38 Договора о ЕАЭС) и во-вторых, когда предполагается принятие государствами-членами ЕАЭС после завершения гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков, образование в 2025 г. «наднационального органа» по регулированию финансового рынка, месторасположение которого предполагается в г. Алматы (Переходные положения в отношении Раздела XVI, ст. 103 Договора ЕАЭС). Если в первом случае (ст. 38) нет прямого указания на «наднациональный статус» ЕАЭС, то во втором случае (ст. 103), по нашему мнению, ссылка на «наднациональный» статус Союза усматривается, что подтверждается положением, закрепленным в данной статье «Государства-члены после завершения гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков, примут решение о полномочиях и функциях наднационального органа ...» [2].

В пользу обстоятельства, что в деятельности ЕЭК, направленной на определение правил функционирования общего хозяйственного пространства ЕАЭС, просматривается «наднациональный» уровень, говорит и реализация норм Комиссии посредством закрепления ее рекомендаций в национальном законодательстве России в сфере таможенной политики.

В качестве примера можно привести положения Решения Совета ЕЭК от 20.12.2017 г. № 107 раскрывающее отдельные вопросы, связанные с товарами для личного пользования в отношении

беспошлинного ввоза, размера пошлин, налогов и многих других вопросов [13], получившие реализацию в Главе 37 Таможенного кодекса ЕАЭС посвященную особенностям порядка и условий перемещения через таможенную границу Союза товаров для личного пользования [17] и в таком национальном нормативно-правовом акте как «О перемещении физическими лицами товаров в сопровождаемом багаже» Письмо Министерства финансов РФ от 17.04.2018 г. № 03–10–03/25651 [8], где закрепляется, что Решением Совета ЕЭК предусмотрено «поэтапное снижение стоимостных и весовых норм, в пределах которых товары для личного пользования (за исключением этилового спирта, алкогольных напитков, пива, неделимых товаров для личного пользования) могут ввозиться беспошлинно. Так, с 1 января по 31 декабря 2019 г. — стоимость не должна быть более 1000 евро, а вес не более 50 кг. С 1 января по 31 декабря 2020 г. — стоимость не должна превышать 750 евро, а вес не более 35 кг. С 1 января 2021 г. — стоимость в эквиваленте не более 500 евро, вес не более 25 кг [8]. Однако, физическим лицам, пересекающим таможенную границу ЕАЭС, следует помнить, что если выпускающая сторона допускает определенные нормы вывоза в отношении упомянутой алкогольной продукции, то это не означает, что принимающая сторона может допустить ввоз данной продукции в указанных объемах, поскольку каждое государство, в том числе и в целях защиты национальных интересов, вправе определять индивидуальные нормы объема ввозимой продукции.

Другим фактом, указывающим на «наднациональный» уровень Решений ЕЭК по отношению к национальному законодательству, реализованному Российской Федерацией, посредством принятия соответствующих нормативно-правовых актов, является Решение Коллегии ЕЭК от 21.04.2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» Раздел 2.14 «Лекарственные средства» [7], положения которого, хотя и косвенно, получили отражение, например, в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ в части «организации и осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств» [5] и претерпевающий актуальные изменения в соответствии с требованиями времени Федеральный закон Российской Федерации «Об обращении

лекарственных средств» № 61-ФЗ, где в Главе 9 регламентируются ввоз и вывоз лекарственных средств из Российской Федерации [11].

В качестве еще одного аргумента в пользу «наднационального» статуса Решений Евразийской экономической комиссии, можно также привести Решение Коллегии ЕЭК от 02.04.2019 г. № 53 «О классификаторе видов документов, удостоверяющих личность» [6], положения которого реализованы посредством закрепления в ст. 24 п. 3 Приказа Минфина России от 11.09.2020 г. № 190н «Об определении порядка совершения таможенных операций в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях в Российской Федерации, в том числе проставления таможенным органом соответствующих отметок, а также порядка и формы представления в таможенный орган информации, используемой при совершении таможенных операций в отношении данных товаров, посредством информационных систем таможенных органов» [12].

Первостепенное значение в качестве нормативно-правового акта, способствующего развитию интеграционных отношений стран-участниц ЕАЭС в области формирования единого информационного пространства, носит «Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза», закрепленный на законодательном уровне в Приложении № 3 к Договору о ЕАЭС, по своей сути представленный различными системами и реестрами [16]. Назначение подобных реестров заключается в содействии упрощения процессом обмена информацией в сфере таможенной политики между государствами-членами ЕАЭС.

В качестве свидетельства реализации на федеральном законодательном уровне России положения вышеназванного документа, а именно ст. 5 «В рамках интегрированной системы формируются общие информационные ресурсы, содержащие ...» п. 3 «реестры, формируемые на основе информационного взаимодействия государств-членов и Комиссии» [16], в частности получили закрепление в ст. 4–6 Приказа Минфина России от 11.09.2020 г. № 190н регулирующим таможенное декларирование товаров для личного пользования, пересылаемых в международных почтовых отправлениях [12].

Ярким примером результативности создан-

ных на сегодняшний день специальных баз данных на международном уровне стран-участниц ЕАЭС в части создания реестров, может служить Реестр объектов интеллектуальной собственности (РОИС), изначально, положения которого нашли отражение в Главе 52 «Меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, принимаемые таможенными органами» ст. 385 (Единый таможенный реестр ...), ст. 386 (Национальные таможенные реестры ...) Таможенного кодекса ЕАЭС от 01.01.2018 г. [17], затем в Главе 57 «Меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, принимаемые таможенными органами» Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 03.08.2018 г. [9] и Приказе ФТС России от 28.01.2019 г. № 131 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности» [14].

Все вышеперечисленные факты тщательной проработки на международном и федеральном уровне (приведенного в данной статье на примере российского государства) нормативно-правового регулирования интеграции информационного пространства между государствами-участницами ЕАЭС, свидетельствуют о том, что подобная детализация норм законодательства безусловно способствует не только эффективности механизма защиты национальных интересов российского государства в сфере таможенной политики, но и процессу самой Евразийской интеграции, благодаря которой, исходя из собственных приоритетов, постепенно выстраиваются устойчивые горизонтальные связи между странами Союза, позволяющие достойно выдерживать конкуренцию с другими крупными Союдами, например Европейским союзом.

Как показывает практика, цели и деятельность Евразийского экономического союза, выступающего в качестве сравнительно нового субъекта международных отношений и реализуемые посредством общего медиа-пространства, совместной созидательной работы различных общественных организаций и корпораций государств-участниц ЕАЭС, в первую очередь строятся на согласованности национальных интересов стран Союза, где в качестве базиса Евразийской интеграции в первую очередь выступает законодательство.

Библиографический список

1. Договор о Евразийской экономической комиссии от 18.11.2011 г. (утратил силу 01.01.2015) / Онлайн-справочник «Таможенные документы». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/11z00000/> (дата обращения: 15.07.2021)
2. Договор о Евразийском экономическом союзе. (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019 г.) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 15.07.2021)
3. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. (Подписан в г. Москве 26.02.1999 г.) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31914/ (дата обращения: 15.07.2021)
4. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы): Распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. N 1815-р (утратило силу) / Гарант. URL: <https://base.garant.ru/199708/> (дата обращения: 15.07.2021)
5. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 11.06.2021) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 15.07.2021)
6. О классификаторе видов документов, удостоверяющих личность: Решение Коллегии ЕЭК от 02.04.2019 г. № 53 / Онлайн-справочник «Таможенные документы». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19kr0053/> (дата обращения 15.07.2021)
7. О мерах нетарифного регулирования: Решение Коллегии ЕЭК от 21.04.2015 г. № 30 (ред. от 20.04.2021) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/ (дата обращения: 15.07.2021)
8. О перемещении физическими лицами товаров в сопровождаемом багаже» Письмо Министерства финансов РФ от 17.04.2018 г. № 03–10–03/25651 / Гарант.RU: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71854108/> (дата обращения: 15.07.2021)
9. О таможенном регулировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 20.04.2021) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (дата обращения: 15.07.2021)
10. О Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»: Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 г. № 65 (утратило силу) / Гарант. URL: <https://base.garant.ru/184120/> (дата обращения: 15.07.2021)
11. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 11.06.2021) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения: 15.07.2021)
12. Об определении порядка совершения таможенных операций в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях в Российской Федерации, в том числе проставления таможенным органом соответствующих отметок, а также порядка и формы представления в таможенный орган информации, используемой при совершении таможенных операций в отношении данных товаров, посредством информационных систем таможенных органов: Приказ Минфина России от 11.09.2020 г. № 190н / Онлайн-справочник «Таможенные документы». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20a00190/> (дата обращения 15.07.2021)
13. Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования: Решение совета ЕЭК от 20.12.2017 г. № 107 (ред. от 11.09.2020) / Онлайн-справочник «Таможенные документы». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/17sr0107/> (дата обращения 15.07.2021)
14. Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности: Приказ ФТС России от 28.01.2019 г. № 131 / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326464/b4a46907460ed7f45f557877aad1ffcc1ea8b7d1/#dst100013 (дата обращения 15.07.2021)
15. Положение о Евразийской экономической комиссии: Приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (ред. от 01.10.2019) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8e3543f8dc9861d6acfa6a0c6678b972da1d07d0/ (дата обращения: 15.07.2021)
16. Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза: Приложение № 3 к Договору о ЕАЭС от 29.05.2014 г. (ред. от 01.10.2019) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/aa0c4fa9ba641f06aaea596cd1596d2c7a7e2107/ (дата обращения 15.07.2021)

17. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза от 01.01.2018 г. (ред. от 29.05.2019) / Консультант-Плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения 15.07.2021)
18. Якушенко К. В. Единое информационное пространство Евразийского экономического союза: предпосылки создания и измерение развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 4 (24). С. 42–48.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ДОГОВОРОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

© 2021 Мамедов Сулейман Джаванширович

студент магистратуры

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва

E-mail: mamedov.sulejman2016@yandex.ru

Институт корпоративного договора является сравнительно молодым институтом для российского права, но для стран, рассмотренных в данной статье, данный институт он уже устоялся.

Рассмотрение корпоративного договора в данной статье построено следующим образом: в каждом государстве (Италия, Германия, Великобритания и США), обратились к таким вопросам как: 1) становление и генезис корпоративного договора, как регулятора правоотношений между участниками объединений различных организационно-правовых форм; 2) некоторые особенности и специфика корпоративного договора, характерные для отдельных зарубежных государств.

В конце был сделан вывод, где проведен сравнительный анализ института корпоративного договора в России и рассмотренных государствах.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративный договор, учредительный договор, зарубежные страны, юридическое лицо, Гражданский кодекс, судебная практика.

Роль корпоративного договора как в российском так и в зарубежном праве в качестве одной из форм установления, изменения обязательствных прав и обязанностей участников хозяйственных обществ постепенно возрастает. Следует рассмотреть и проанализировать роль и становление института корпоративного договора в зарубежных странах, чем и обусловлена **актуальность** темы данной статьи.

Целью статьи является анализ применения корпоративного договора в зарубежных правовых порядках.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо будет решить следующие **задачи**:

- становление и генезис корпоративного договора, как регулятора правоотношений между участниками объединений различных организационно-правовых форм;
- некоторые особенности и специфика корпоративного договора, характерные для отдельных зарубежных государств.

Зарубежные правовые порядки предусматривают две основные модели корпоративных соглашений: континентально-европейская и англосаксонская.

Для более детального и всестороннего рассмотрения данного института, следует рассмотреть и проанализировать корпоративный договор в таких государствах как Италия, Германия, США и Великобритания.

Главным и основополагающим для европей-

ского корпоративного права, считается принцип отделения личности и имущества юридического лица от личности и имущества его участников.

Поэтому в странах континентально-европейской модели, законодательством воспринята органическая концепция сущности юридического лица, основной постулат которого состоит в следующем: «организация — не «продукт» согласования воли физических лиц и заключения ими договора, становящегося учредительным документом, а самостоятельный, обладающий автономной волей субъект права, который нельзя охарактеризовать в качестве простой совокупности граждан» [3, с. 136–139].

Корпоративные договоры на территории республики Италия, стали появляться начиная с 80-х гг. XX века. Несмотря на это, как и в других странах, к таким соглашениям суды относились крайне скептически. Обоснования во многом были схожи: невозможность существования иных документов, регулирующих внутренний порядок общества, кроме как учредительных; конфликт интересов самой компании и сторон такого соглашения, в силу чего последнее признавалось ничтожным. Такая негативная судебная практика просуществовала до конца XX века, однако это не искоренило полностью возможность заключения таких договоров. Все обширнее применялась практика зарубежного инвестирования в компании по праву иностранных государств (в частности США, Великобрита-

ния), где уже применялись нормы, регулирующие корпоративные договоры. Неформально, но бизнес диктовал свои условия, на которые законодатель все сложнее было не обращать внимание. И эта тенденция вовлечения и применения иностранного права в регулировании деятельности компаний привела к ожидаемому успеху.

В 2003 г. в Гражданский кодекс Италии были внесены изменения на основании Декрета № 6 от 17.01.2003 г. Благодаря этому в отдельные статьи были внесены дополнения, на основании которых законодатель предоставил возможность заключать корпоративные договоры. Причем в ст. 2341 Гражданского кодекса Италии (сопутствующие корпоративные-правовые соглашения (*dei patti parasociali*)), такое право предоставлялось не только публичным, но и непубличным компаниям [7].

Итальянский корпоративный договор можно классифицировать на следующие виды:

- 1) соглашение о согласовании позиций перед голосованием на общем собрании;
- 2) соглашение об ограничении приобретения либо отчуждения акций.

Стоит еще отметить, что итальянский корпоративный договор (как и немецкий) порождает обязательства только между сторонами и не влечет последствий отдельно для компании.

Гражданский кодекс Италии в п. 1 ст. 2341-bis определяет предмет корпоративных договоров как права голоса из акций в форме установления порядка реализации данных прав, а также права собственности на акции в форме их ограничения. Цель корпоративных договоров определена как совместное осуществление управления обществом, а также сохранение структуры корпоративной собственности.

Таким образом, гражданское право Италии императивно ограничивает предмет подобных соглашений.

В Гражданском кодексе Италии отсутствуют положения о бессрочных корпоративных договорах, поскольку стороны вправе заключить корпоративный договор на срок не более пяти лет. В случае, если стороны заключают бессрочный договор, то он, во-первых, действует в течение пяти лет, во-вторых, любая из сторон вправе в одностороннем порядке расторгнуть его, уведомив других участников соглашения за 180 дней. В Италии даже на уровне судебной практики не признается возможность распространения условий корпоративного договора на само

общество [1, с. 19–22].

В Гражданском кодексе Италии, а именно в ст. 2341-bis используется термин «*Patti parasociali*» в переводе на русский, который звучит, буквально как «соглашение, относящееся к обществу», при этом итальянский законодатель не использует прилагательного «*corpogativo*» («корпоративный»), так как уже само слово «корпорация» используется в достаточно узком значении, как правило, для обозначения объединений, основанных на членстве, иногда без создания юридического лица, к примеру, профсоюзы. А с другой стороны, в европейском континентальном праве общепризнана обязательственно-правовая, а не корпоративная природа акционерных соглашений [5, с. 58–59].

В немецком праве соглашения между участниками одной компании, имеющей целью извлечение прибыли, стали заключаться с начала XX столетия. По своей структуре они имели общие черты с современным корпоративным договором, в частности в них регулировались вопросы состава органов управления, а точнее его формирования исходя из голосования.

Тем не менее, такие договорные конструкции воспринимались немецкими судами крайне неодобрительно. В случае возникновения каких-либо споров, исходя из существа таких соглашений, суд признавал их противоречащими действующему на то время законодательству, а значит и не возможными к существованию.

В подтверждение этого утверждения достаточно обратиться, к решению Верховного Имперского Суда от 1904 г., в котором «...признавался ничтожным договор некоторых акционеров о совместном формировании совета директоров определенным образом на общем собрании. ...» [2, с. 29].

Базировалась данная позиция суда на том, что идея о договорном голосовании с целью удовлетворения интересов некоторых акционеров противоречит интересам самого общества и, тем самым, может ограничивать его независимость как самостоятельного субъекта правоотношений.

Это решение во многом стало прецедентом для последующих судебных разбирательств по тем же предметам и основаниям. Однако немецкая правовая система не стояла на месте и все существеннее подстраивалась под современные реалии.

Уже в 1967 г. Верховный суд ФРГ все же при-

знал действительным корпоративный договор, который нарушал положения учредительного документа корпорации [4, с. 42–43]. Это был своего рода переломный момент во взглядах суда относительно существования таких соглашений между участниками внутри компании.

Тем не менее всеобщее признание и положительная регламентация судами корпоративных договоров на территории Германии активно прослеживалась лишь с 90-х гг. прошлого столетия.

На сегодняшний день как в Германском гражданском уложении, так и в корпоративном законодательстве отсутствуют нормы, посвященные регулированию института корпоративного договора. Можно только предположить, что к такому договору применяются общие положения об обязательствах.

Еще одна особенность Германского корпоративного договора заключается в том, что он признается как соглашение, порождающее обязательства только между участниками общества, но не самого общества. Положения такого соглашения не могут противоречить уставу, а также изменять структуру управления в обществе, то есть они не способны породить никакого корпоративного эффекта.

Для сравнения, в российском законодательстве есть нормы, позволяющие на основании условий корпоративного договора проголосовать на общем собрании общества за включение в устав положений, определяющих структуру органов и их компетенцию (абз. 3 п. 2 ст. 67.2 ГК РФ), а также признать недействительным решение органа общества, которое противоречит ранее заключенному корпоративному договору, сторонами которого были все участники общества (п. 6 ст. 67.2 ГК РФ).

Не менее интересным является и тот факт, что объединение участников общества на основании корпоративного договора, представляется в виде товарищества внутри существующего уже юридического лица.

Так М. С. Варюшин говорит об этом следующим образом: «Судебная практика рассматривает корпоративные договоры как соглашения о товариществах, причем объединения акционеров признается товариществами гражданского права ... их еще именуют «внутренними» или «скрытыми» товариществами» [2, с. 31].

На территории Соединенного Королевства корпоративные договоры, существовавшие в

виде соглашений между участниками коммерческих организаций, стали активно заключаться в профессиональном кругу уже в первой половине XIX века.

К институту корпоративного договора, каким мы видим его сегодня, больше всего близки соглашения того времени, которые носили название соглашения акционеров (shareholders agreement).

М. С. Варюшин определяет соглашение акционеров (shareholders agreement) следующим образом: «в 1840-х гг. термин «shareholders agreement» означал учредительный договор акционерного товарищества, определявший размер уставного капитала и ежегодно распределяемых дивидендов», что явно показывает принадлежность такого соглашения к договорам, регулирующим корпоративные отношения [2, с. 16].

Однако необходимо отметить, что в то время соглашение акционеров (shareholders agreement) фактически было тождественно учредительному договору.

Но так было не всегда. Ситуация по данному вопросу кардинально изменилась в 50-е гг. XIX века, а именно с принятия в 1856 г. Закона об акционерных обществах (Joint Stock Companies Act). Данный акт четко разграничил документы на:

- необходимые для учреждения компании, такие как учредительный договор и Устав общества;
- регулирующие обязательственные отношения об осуществлении прав, принадлежащих участнику такого общества.

Ко второму виду и было отнесено соглашение акционеров (shareholders agreement), которое с того времени утратило характер учредительного договора.

Следует отметить, что на практике нередко встречались соглашения иного вида, как разновидность соглашения акционеров (shareholders agreement). Довольно часто были случаи, когда сами участники общества заранее договаривались как именно им голосовать по определенному вопросу на общем собрании. Думается, что в силу своего консерватизма, англичанам было недостаточно одного лишь устного соглашения, так как порой от голосования зависела дальнейшая судьба компании. Как следствие, с целью подтверждения словесных намерений, участники общества заключали своего рода договор, предусматривающий кому и как из участников

голосовать, а кому и вовсе воздержаться от голосования.

Так, М.С.Варюшин говорит об этом следующим образом: «... с прецедентного дела *Puddephat v Leith* (1916), где договорное обязательство голосовать по акциям определенным способом было признано законным и подлежащим судебной защите, можно говорить о допустимости заключения так называемых «соглашений о голосовании» (*voting agreements*)» [2, с. 17].

Эволюция применения корпоративного договора в США не значительно отличается от Соединенного Королевства, так как во многом данный институт прошел практически те же этапы на пути к официальному законодательному закреплению со стороны государства. Так уже с середины XIX в. в штатах можно встретить договорные конструкции, представляющие собой соглашения между акционерами.

С появлением таких конструкций у арбитражных судов вырабатывается скептическое отношение к самой возможности существования таких соглашений.

Это прослеживается в большом количестве негативных судебных решений по разрешению споров, вытекающих из заключения договоров между участниками общества.

Позиция судов начало постепенно меняться лишь во второй половине XX века. Этому способствовал принятый в 1950 г. Закон о модельной бизнес-корпорации (*Model Business Corporation Act*), который впервые содержал положения, по-

зволяющие голосовать на собрании по доверенности через представителей, а также порядок учреждения голосующих трастов[6].

С этого времени соглашения заключенные между акционерами о голосовании стали признаваться действительными. Однако стоит отметить, что не все штаты, даже на сегодняшний день, применяют положения данного акта одинаково: одни ратифицировали его полностью, другие только отдельные положения.

Рассмотрев корпоративные договоры применительно к различным правовым семьям, следует отметить, что несмотря на то, что Россия относится к романо-германской правовой системе, вопросы, связанные с правовым закреплением корпоративного договора, существенно отличаются от Германского права. Поскольку, на сегодняшний день как в Германском гражданском уложении, так и в корпоративном законодательстве отсутствуют нормы, посвященные регулированию института корпоративного договора, а с другой стороны, германское право исходит из приоритета устава по отношению к корпоративному договору.

Российское право, в вопросах, которые связаны с правовым закреплением корпоративного договора как самостоятельную норму-регулятор, по своим признакам тяготеет к английскому праву, предоставляет участникам корпоративного договора большую свободу действий, чем в аналогичных правоотношениях государств с романо-германской правовой системой.

Список литературы

Юридическая литература

1. Алиев Т. Т. О сущности правовой природы корпоративного договора // *Гражданское право*. 2015. № 1. С. 19–22.
2. Варюшин, М. С. «Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ»: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / М., 2015. — 202 с.
3. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. М., 2003. — 316 с.
4. Степанов Д. И., Фогель В. А., Шрамм Х. И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования Германии/ *ВАС* 2012. № 10. С. 22–69.
5. Трубина М. В. Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений в России и странах континентальной Европы. Дис. канд. юрид. наук. М., 2015. — 194 с.

Электронные ресурсы

6. *Model Business Corporation Act (Revised)/The Business Lawyer*. 1950. [Электронный ресурс] / http://www.lexisnexis.com/documents/pdf/20080618091347_large.pdf. (дата обращения: 27. 06. 2021).
7. *Nuovo codice civile*. [Электронный ресурс] // *Universocoop*: сайт. URL: http://www.universocoop.it/codice/art_2341-ter.html. (дата обращения: 25. 06. 2021).

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В США, ЕС И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 Якубов Мухиббулло Лутфуллоевич

студент 2-го курса магистратуры

Финансовый университет при правительстве РФ, Россия, Москва

Старший специалист по финансово правовому анализу ООО МСК «БЛ ГРУПП»

E-mail: muhibbullo_97@mail.ru

Научный руководитель: к.ю.н., доцент — Дахненко Светлана Сергеевна

Автором в настоящей работе рассмотрены и проанализированы проблемы осуществления корпоративного управления корпораций в контексте права США, ЕС, Российской Федерации. Так, на примере регулирования правового статуса членов органов управления в США, автором рассмотрено влияние такой особенности нормативного регулирования, как регулирование корпоративных отношений на уровне штатов, что приводит к определенным противоречиям на уровне государства. Автором также проанализированы используемые в правоприменительной практике инструменты определения недобросовестного поведения лиц.

В отношении законодательства ЕС автором рассмотрена попытка ЕС путем разработки Плана действий по модернизации корпоративного права и улучшения корпоративного управления устранить имеющиеся проблемы и противоречия в корпоративном управлении стран-участников, в т.ч. по вопросу снятия «корпоративной вуали».

Автором проанализированы такие проблемы корпоративного управления в РФ, как осуществление корпоративного управления при наследовании долей в ООО, защита прав добросовестного покупателя долей в ООО.

По итогу работы автором была дана оценка природе проблем, возникающих в процессе правового регулирования корпоративного управления в ЕС, США, Российской Федерации.

Ключевые слова: корпоративное управление, право ЕС, корпоративная вуаль, наследование долей.

Определение основных проблем правового регулирования отношений корпоративного управления призвано обеспечить совершенствование правовой системы. При этом содержание и природа проблем правового регулирования отношений корпоративного управления в США, ЕС и Российской Федерации (далее — РФ) имеют схожую природу, что обусловлено едиными целями регламентации соответствующих отношений.

Одной из основных проблем правового регулирования отношений корпоративного управления в США является наличие различных по своему содержанию нормативных актов на уровне штатов, устанавливающих особенности осуществления корпоративного управления, в том числе особенности статуса органов управления корпорацией, объем их полномочий. Например, данная проблема проявляется при определении статуса независимого директора, членов совета директоров. В частности, Кодекс Штата Делавэр предусматривает достаточно широкую свободу для корпораций по вопросу конкретизации ста-

туса членов совета директоров [1]. Такой подход создает определенные основания для злоупотребления со стороны корпораций, что может, в конечном итоге, привести к недостижению определенных целей функционирования совета директоров. В целом, на федеральном уровне в США установлены критерии определения статуса члена органов управления корпорацией, среди которых отсутствие статуса руководителя или члена исполнительного органа аффилированного лица; отсутствие заинтересованности в какой-либо инвестиционной стратегии юридического лица в целях третьих лиц; не осуществляет отбор кандидатов на позицию независимого директора; не выступает кредитором корпорации и т.д. [2]. Важнейшей частью корпоративного управления в системе США является высокая степень добросовестности всех субъектов правоотношений. При этом одной из проблем в указанном процессе является проблема конструкции корпорации, включая аспект имущественной обособленности лица. Механизмом решения представленной проблемы является

теория «снятия корпоративной вуали», устанавливающая возможность привлечения лица, злоупотребляющего конструкцией юридического лица.

Непосредственно в законодательстве отсутствуют критерии привлечения лиц к ответственности по долгам корпорации (в отличие от отечественной системы субсидиарной ответственности контролирующих лиц). Механизм определения недобросовестности или неразумности реализован исключительно в правоприменительной практике. Так, используется теория «Instrumentality» предполагающая наличие факта использования корпорации для достижения личных целей участников, а также тест Пауэлла, включающий в себя определение отсутствия принципа ограниченной ответственности корпорации. В этой связи используются такие элементы как:

- фактор контроля;
- фактор противоправных действий;
- причинно-следственная связь [3].

Представляется, что перечисленные проблемы регулирования в США обусловлены спецификой англо-саксонской системы и не приводят к резко негативным последствиям. Развитие определенных концепций, в том числе путем совершенствования правоприменительной практики способствует достижению необходимого баланса между регулированием и свобод действий.

Рассматривая проблемы корпоративного управления в ЕС необходимо отметить правовую потребность выработки единых стандартов по целому ряду аспектов корпоративного управления для чего был разработан План действий по модернизации корпоративного права и улучшения корпоративного управления. Как отмечает Н.А.Полежаева «при реализации данной задачи уполномоченные органы ЕС столкнулись с некоторыми затруднениями, в частности с проблемами выработки единых норм для государств-членов ЕС и обоснования компетенции ЕС по принятию ряда мер. Однако установленные требования о транспарентности позволили обойти эти вопросы. План не регулирует правоотношения по существу, не содержит обязательных правил. Отношения регулируются на уровне участников, что, в свою очередь, способствует их заинтересованности. Также транспарентность обеспечивает защиту участников компаний и третьих лиц, возможность контролировать правомерность определенных действий. Таким

образом, транспарентность стала своего рода принципом правового регулирования в сфере корпоративного законодательства ЕС. Вовлечение акционеров в дела компании также свидетельствует об ориентации регулирования на саморегулирование» [4].

В качестве пути разрешения представленной проблемы было выбрано установление возможности стран-участницам ЕС самостоятельно определить правовой режим следующих аспектов:

- поддержание уставного капитала;
- вопросы несостоятельности;
- процедура ликвидации;
- ведение финансовой отчетности [5].

В свою очередь, неоднозначным также остается проблема определения пределов ответственности корпорации в рамках международного характера ЕС, включая возможность применения стандартов отдельных государств при разрешении отдельных спорах об исполнении обязательств. Более того, в рамках ЕС существенно отличается порядок применения теории «снятия корпоративной вуали» во Франции и Германии. Так, в Германии закрепляется нормативная конструкция привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Проблемы правоприменительной практики, касающиеся вопросов корпоративного управления в Российской Федерации, а именно статуса участника ООО и акционера в АО, обусловлены достаточно большим количеством положений, регламентирующих процесс осуществления деятельности рассматриваемыми субъектами, а также изменяющейся действительности. Определение основных проблем правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу обеспечивает не только определение ключевых аспектов совершенствования законодательства РФ, но также позволяет сформировать единую правоприменительную практику, способствующую разрешению вопросов, связанных с отдельными аспектами статуса участников и акционеров. Прежде всего, актуальной проблемой правоприменительной практики выступает сам факт возникновения статуса участника ООО, а именно вопрос добросовестности приобретателя доли. Так, возникает вопрос об объеме той информации, которую должно изучить лицо перед непосредственно покупкой доли ООО. Согласно сложившемуся подходу суды зачастую не принимают доводы стороны, основанные на

ссылках на ЕГРЮЛ [6]. По мнению исследователей, подобный подход обусловлен отсутствием защиты приобретателя в ситуации, когда сведения попали в соответствующий реестр на основании фактов, которые не имеют под собой правового обоснования [7]. Исходя из указанного, можно сделать вывод о том, что лицо обязано не только осуществить проверку реестра, но и исследовать целый ряд других обстоятельств, которые предшествовали приобретению доли. Именно поэтому возникают вопросы об объеме подобной информации, которую приобретатель должен изучить перед совершением сделки.

Также одним из актуальных вопросов правоприменительной практики, касающихся статуса участника общества, является аспект наследования долей. В частности, устав общества может содержать положения, предусматривающие переход доли к наследникам участника только при наличии согласия всех участников такого общества. Так, на практике возникла ситуация, когда наследница, проживая за границей, приняла наследство в 2012 году, а свидетельство о праве на наследство получила лишь в 2015. После получения свидетельства о праве на наследство она обратилась в общество с заявлением об отказе от участия в обществе и выплате действительной стоимости доли. При этом она указала, что в случае принятия ее в состав участников просит предоставить ей учредительные, а также финансовые документы.

В результате участники приняли решение о принятии ее в состав членов ООО, но наследница оспорила в судебном порядке принятое решение (в заявлении она указала на тот факт, что она не хочет быть участницей ООО и просит ей выплатить действительную стоимость доли). По итогам рассмотрения данного дела суд признал вышеприведенное решение общего собрания недействительным и предложил наследнице повторно обратиться в общество с соответствующим заявлением [8]. После вынесенного решения наследница обратилась к обществу с заявлением о включении ее в состав участников ООО. Указанное заявление было удовлетворено, и она стала участником общества. После приобретения статуса участника она проанализировала документы и увидела, что в 2013 году в обществе распределялась прибыль. Данное обстоятельство стало основанием для обращения ее в суд с требованием о выплате, причитающейся ей прибыли. При этом на момент подачи соответствующего заявления в суд финансовые показа-

тели юридического лица значительно ухудшились. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении заявленных требований ввиду того, что на момент заявленного требования (2016 год) появились обстоятельства, которые не позволяют обществу выплатить заявленную сумму. При этом они указали, что сам факт возникновения прав на распределенную прибыль датируется в момент открытия наследства [9]. В свою очередь, кассационная инстанция и ВС РФ высказали позицию о необходимости оценки обстоятельств, которые препятствуют выплате прибыли, на момент распределения прибыли [10]. Исходя из указанных выводов возникает вопрос о назначении института получения согласия участников ООО для вступления в такое общество. При этом в другом деле ВС РФ приходил к выводу о том, что в случае наличия в уставе общества положения, которое предусматривает обязательное получение согласие других участников на переход доли, моментом возникновения соответствующих прав является именно дата выражения согласия [11]. Более того, ВС РФ в постановлении, посвященном вопросам наследования, указывает, что до момента получения свидетельства о праве на наследство вопрос о вступлении в число участников ООО не может рассматриваться [12].

Анализируя правоприменительные акты, можно отметить, что арбитражные суды прекращают производство по делу в ситуации, когда устанавливают тот факт, что сначала истец, являющийся участником корпорации, оспаривал сделку с заинтересованностью в порядке статьи 45 Закона об ООО, а в последующем обратился в суд по той же самой сделке в порядке пункта 2 статьи 174 ГК РФ [13].

Таким образом, действующая система правового регулирования корпоративного управления в Российской Федерации приводит к возникновению целого ряда вопросов в правоприменительной практике. Более того, неоднозначная позиция судов разных инстанций не позволяет обеспечить единство толкования отдельных аспектов статуса рассматриваемых лиц. Кроме того, на наш взгляд, требуется обеспечить принятие акта толкования ВС РФ, разъясняющего особенности рассмотрения добросовестности приобретателя с целью недопущения ситуаций различного применения норм гражданского и корпоративного законодательства, касающихся вопросов добросовестности приобретения доли в ООО.

Библиографический список

1. Магдалинская Ю. В. Особенности правового статуса института независимого директора в законодательных системах США и России // *Matters of Russian and International Law*. 2018, Vol.7, Is.1A
2. Саликова Н. М., Дубовцев И. А. Особенности трудо-правового статуса независимого директора публичного акционерного общества по российскому и американскому праву // *Трудовое право России и за рубежом*. 2016. № 3. С. 22–25.
3. Ломакин, Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2012. № 9.
4. Полежаева Н. А. Модернизация корпоративного законодательства ЕС // *Международное публичное и частное право*. 2020. N 3. С. 12–15.
5. Павлюк А. В. Проблемы административно-правового регулирования деятельности акционерных обществ в зарубежных государствах // *Административное и муниципальное право*. 2014. N 5. С. 478–489.
6. Постановление Восемнадцатого АСС от 12.12.2012 № 18АП-11764 по делу № А07-23882/2011 // Документ опубликован не был. Источник — СПС КонсультантПлюс.
Постановление АС Московского округа от 16.12.2015 № Ф05-17855/2015 по делу № А40-209621/14 // Документ опубликован не был. Источник — СПС КонсультантПлюс.
7. Карнаков Я. В. Достоверность ЕГРЮЛ и нарушение преимущественного права на покупку доли в ООО: комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.01.2016 № 309-ЭС15-10685 // *Вестник экономического правосудия РФ*. 2016. № 3.
8. Решение Первомайского районного суда г. Омска от 18.01.2016 по делу № 2-602/2016 // Документ опубликован не был. Источник — СПС КонсультантПлюс.
9. Решение Арбитражного суда Омской области от 02.02.2017 по делу № А46-16046/2016 // Документ опубликован не был. Источник — СПС КонсультантПлюс.
Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2017 № 08АП-2862/2017 по делу № А46-16046/2016 // Документ опубликован не был. Источник — СПС КонсультантПлюс.
10. Определение ВС РФ от 23.07.2018 N 304-ЭС18-9887 по делу № А46-16046/2016 // Документ опубликован не был. Источник — СПС КонсультантПлюс.
11. Определение ВС РФ от 07.02.2017 N 305-ЭС16-19827 // Документ опубликован не был. Источник — СПС КонсультантПлюс.
12. Постановлении Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // *Российская газета*. № 127. 06.06.2012.
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 ноября 2016 г. № Ф07-9845/2016 по делу № А66-6377/2015 // Документ опубликован не был. Источник — СПС КонсультантПлюс.

ЭКОНОМИКА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ**

УДК: 330

DOI: 10.14451/2.157.47

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ МОНЕТАРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2021 Магомадов Эмин Мухадинович

кандидат экономических наук, доцент кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике
Чеченский государственный университет, Россия, Грозный

© 2021 Муртазалиева Амина Хамзатовна

3 курс Института экономики и финансов
Чеченский государственный университет, Россия, Грозный

В данной статье проводится анализ монетарного регулирования экономики России. Актуальность исследования обуславливается потребностью понятия методов регулирования экономики. В процессе исследования рассмотрены темпы роста ВВП до и после введения международных санкций, инструменты монетарной политики в России и основная концепция монетаризма. Информационной базой исследования стали официальные публикации в рамках проектного офиса ИМВ, разработки Агентства стратегических инициатив, Федерального агентства научных организаций, ресурсы сети Интернет и собственные разработки авторов.

Ключевые слова: монетарная политика, ВВП, монетарный климат, денежная система, информационная среда.

Понятия монетарный механизм, монетарная политика, монетарное регулирование очень часто встречаются в современной экономической литературе. Российский экономист Леонид Лопатников рассматривает термин «monetary policy» как «денежную политику».

Сам термин «монетаризм» появился на рубеже шестидесятых годов двадцатого века в учениях швейцарского и американского экономиста Карла Бруннера. В развитии экономики, как считают представители данной школы, главная значимость придается денежным отношениям. В переменности денежных параметров представляется ключевой мотив непостоянства стабильности экономики. Идеи значимости денежной сферы были замечены в работах Джона Стюарта Милля, Давида Юма, Юлия Павла, древнеримских юристов, несмотря на недавнее появление термина «монетарное регулирование» в литературных и научных источниках. В VIII веке была основана школа монетаризма американским экономистом Мильтоном Фридменом. В содержании книги «Теория функции потребления», изданной в 1957-м году, имеются главные теории и принципы школы М. Фридмана. Главным инструментом воздействия на динамику ВНП М. Фридмен определяет денежное обращение в стране. Известными сторонниками монетаризма являются Анна Шварц, Аллан Мелцер, Эдмунд Фелпс, Дэвид Эрнест Лейдлер, Р. Селден, Филип Кейган.

«Экономическая свобода обуславливает все остальные свободы общества» — формулировал М. Фридмен, отображая современный капитализм. Только невмешательство государства в экономику позволит реализовать идею экономической независимости, а также стабилизировать долю доходов государства, составляющих финансовую платформу экономики. Субъективность неоклассического движения теории Фридмана заключается в том, что психологические факторы в экономике создают ту цепь, по которой элементы экономической системы стремятся к равномерности. Это служит ключевой чертой в данной концепции, т.е. учёт психологического фактора — аргументов действия человека в непредвиденных экономических обстоятельствах. Так как внешние воздействия имеют шансы спровоцировать отклонения от запланированного направления экономики, именно государственное вмешательство в экономику препятствует функционированию естественных регуляторов, содействующих достижению баланса на краткосрочной перспективе. «Денежный импульс» является центральным регулятором, воздействующим на хозяйственную составляющую экономики, и определяет наиболее прочную настройку денежно-кредитной и валютной политик государства. Мильтон Фридмен отмечал, также, наличие корреляционной связи между темпом роста денежных параметров и прогрессом национального дохода, ори-

ентируясь на статистические данные в области монетарного регулирования экономики в США и других странах.

Приход к власти Рональда Рейгана стал перовой причиной стратегического поворота в сторону монетаризма США. Рейган стал реализовывать финансовую программу под названием «рейганомика», благодаря которой в Соединённых Штатах Америки ввелась категория пониженных темпов роста денежной структуры, что и служило ключевым элементом монетарной политики.

Репутация монетаризма в настоящее время определяется наличием особого внимания стран к общепризнанным национальным стандартам регулирования денежно-кредитной политики. Во многих произведениях современной экономической литературы комментируются основные положения монетарной сферы. В книге Кэмпбелла Макконеллы и Стенли Брю «Экономика» проводится сравнительный анализ теоретических и методологических взглядов кейнсианской и монетаристской теорий. Профессор Цюрихского университета Б. Фримен в 1983 году провел международный опрос, с целью доказать необходимость монетарного регулирования экономики на сегодняшний день, в котором участвовали 931 известных экономистов Германии, Австрии и США.

В 2018 году в Молдавии в связи с кризисным состоянием экономики, основными причинами которого стали резкое сокращение из-за границы денежных переводов, сужение совокупного спроса и внешней торговли, Национальный банк Молдавии отказался от режима таргетирования денежных агрегатов, установив уровень инфляции на конец года 9%. В республике проводилась политика «дешевых денег»: норма обязательных резервов снижена до 8%, ставка рефинансирования упала до 5%.

Концепция монетаризма представляет собой устойчивую систему, характеризующуюся состоянием динамического равновесия при оптимальной занятости ресурсов, т.е. способностью рыночной системы самостоятельно достигать макроэкономического равновесия. Последствием нарушения рыночного равновесия является финансово-экономический кризис, который подразумевает следствие вмешательства государства в естественный ход экономической жизни общества, основной причиной которых определяют сдвиги в денежной сфере. В долго-

срочном периоде нестабильность денег всегда сопровождается нестабильностью экономического роста. В обществе всегда стабильным показателем рыночного механизма, как утверждает Милтон Фридмен, является спрос на деньги. А предложение характеризуется нестабильностью и зависит от конкретных решений денежно-кредитных институтов. При превышении норм выпускаемой денежной массы растёт инфляция. А в случае понижения количества выпускаемых денег над нормами следует финансовый кризис. Таким образом, от монетарного фактора зависит весь ход экономического процесса.

В 1968 и 1972 гг. президент Соединённых Штатов Америки Ричард Никсон впервые применил данную монетаристскую концепцию в экономике. В то время советником президента являлся основоположник монетаризма Милтон Фридман. Большого успеха в применении данной концепции достигли в Великобритании в 1975 году и в 1972 году в Америке во время реализации программы «рейганомика».

В 1991 году правительство России официально провозгласило приверженность принципам монетаризма и начало использования монетаристской концепции на практике путем создания рычагов регулирования объема предложения денег для стабилизации рыночных отношений. Финансовые институты России проводили государственную монетарную политику, включающую в себя: торговые сделки на рынках со свободным входом и выходом, функции, обеспечивающие равновесие показателей резервных структур, законодательные ограничения в определении постоянных и переменных экономических величин.

При проведении государством одновременно фискальной и монетарной политик, необходимо придерживаться определённых правил, позволяющих обеспечивать равновесие показателей как микроэкономики, так и макроэкономики. Результаты осуществления государственными структурами данной деятельности зависят от рационального распределения и соответствия переменных элементов. Стабилизация постоянных встроенных фискальных режимов требует соблюдения особой упорядоченности инструментов каждой политики (см. табл. 1).

Основным недостатком в современном практическом применении монетарной концепции в экономике страны является то, что нынешняя денежная система характеризуется

Таблица 1. Меры государства по стабилизации экономики

Инструменты	Стимулирующая политика	Сдерживающая политика
Монетарная политика: — норматив обязательных резервов; — учетная ставка; — операции на открытом рынке.	Снижение, Покупка ГЦБ	Повышение, Продажа ГЦБ
Фискальная политика: — налоги; — государственные расходы.	Повышение	Снижение

Составлено автором на основе статистических данных официального сайта Министерства финансов Российской Федерации. Информационно-аналитический раздел. <http://info.minfin.ru>

многофакторностью и высокой динамичностью.

Категории осуществления монетарной политики и принципы монетаризма в плане практического применения в науке и в рыночных отношениях пользуются высокой актуальностью в нынешних экономических условиях. Сложность теории денег состоит в нестабильности действий денежных механизмов. Часто наблюдаются ошибки в разработках современных экономистов в концепциях управления денежной системой страны. Существуют два проводника Центрального банка — «банк банков» и «банк правительства». К функциям первого относятся: предоставление кредитов коммерческим банкам, регулирование правил и условий деятельности КБ, установление норм и хранение обязательных резервов. «Банк правительства» осуществляет: внешние расчеты, хранение золотовалютных запасов, эмиссию денег, является агентом правительства при обслуживании бюджета.

При финансовом подходе к сущности монетарной политики, ключевой сегмент образуют вопросы о ставках налогов и сборов, уровень и структуру бюджетных расходов, дефицита государственного бюджета и др. Очевидно, это слишком расширенное понятие, которое включает в монетарную политику не только регулирование денежного обращения, но и все отношения, которые на него влияют, даже если они не входят в число денежных, банковских, но управляются центральным банком. Некоторые ученые являются сторонниками широкого подхода, при котором к монетарной политике принадлежит комплекс мероприятий государства в денежной сфере, включая те, которые осуществляются и без участия центрального банка. Встречаются и узкие трактовки монетарной политики, например, как совокупность средств воздействия на предложение денег или на валютные курсы. Американский экономист Фредерик С. Мишкин,

также, обосновывает узкое понятие монетарной политики, сводя ее суть к управлению предложением денег и процентными ставками. Однако, с нашей точки зрения, ограничение использования механизма монетарной концепции только воздействием на предложение денег и на процентные ставки, приводит к уменьшению результативных возможностей государства на увеличение состояния денежной сферы. Можно считать, что монетарное регулирование является более широким понятием, которое охватывает не только денежно-кредитную политику и механизм ее реализации, но и еще такую важную сферу государственного регулирования экономических процессов, которая отражает уже особенности организации валютных отношений и реализуются через механизм разработки и практической реализации валютной политики, а также конкретных сфер ее практического производства. С недавних пор, важным инструментом монетарного регулирования служит индекс монетарной эффективности (ИМЭ), с помощью которого отдельно оцениваются стабильность монетарной системы и предпринимательская свобода финансовых агентов.

Российский мегарегулятор системно придерживается идеологии ужесточения наказания в ущерб построению системы поощрений, тем самым перенося внешние санкции на «плохих» участников рынка вместо того, чтобы всячески поддерживать «хорошие» предприятия и банки. По данным Росстата, темп экономического роста за санкционный период в среднем в 6 раз уменьшился по сравнению с периодом до санкций. (см. табл. 2) Учитывая, что каждый пункт прироста ИМЭ дает полтора процента прироста ВВП, можно говорить, что в среднем за санкционный период Банк России своими действиями обеспечил потенциальный годовой рост экономики на 9%. Вместе с тем очевидно и то, что санкции спровоцировали Банк России на систе-

Таблица 2. Темпы роста ВВП России до и после введения международных санкций

До санкций		После санкций	
Год	Темп роста ВВП, в %	Год	Темп роста ВВП, в %
2013	3,5	2017	-0,7
2014	2,9	2018	0,7
2015	1,6	2019	1,8
2016	0,4	2020	2,2
Среднее за 2013–2016	1,9	Среднее за 2017–2020	0,9

Составлено автором на основе статистических данных официального сайта Министерства финансов Российской Федерации. Информационно-аналитический раздел. <http://info.minfin.ru>

матическое повышение монетарной стабильности и усиленный контроль денежно-кредитных операций.

Воздействие монетарной политики на выпуск возможно только в краткосрочном периоде. В долгосрочном периоде стимулирующая монетарная политика (увеличение предложения денег) ведет только к росту уровня цен (инфляции), а выпуск остается неизменным — деньги нейтральны. Этот вывод объясняет точку зрения экономистов на неэффективность монетарной политики и следует из уравнения количественной теории денег (см. форм. 1):

$$M \times V = P \times Y, \quad (1)$$

где M — количество денег в обращении;

V — скорость обращения денег, под которой понимается количество оборотов, которое делает в среднем за год одна денежная единица;

P — общий уровень цен (дефлятор ВВП);

Y — реальный ВВП.

Если предположить, что скорость обращения денег не меняется и выпуск находится на своем потенциальном уровне ($Y=Y^*$), то увеличение предложения денег приведет к пропорциональному росту уровня цен, не оказывая влияния на выпуск.

Денежно-кредитная политика страны относится к мерам, принимаемым центральным банком, иногда с участием правительства, для исправления денежно-кредитных и финансовых условий, необходимых для экономической деятельности. Денежно-кредитная политика и налогово-бюджетная политика вместе составляют основу инструментов монетарного регулирования, с целью корректировки макроэкономической среды. Но при наличии определенных условий необходимо принимать во внимание требования, в которых реализуется любая определенная форма — стагнацию экономики, учено-

промышленное развитие, присутствие независимых производственных мощностей, товарных резервов и т.д. В отсутствие учета подобных характеристик концепция монетаризма утрачивает свое практическое значение и преобразуется в тренировочную форму, существующую для поддержания макроэкономических основ. Несмотря на то, теория монетаризма применяется в макроэкономических модификациях агентов иных течений финансовых идей.

Современный финансовый период отличается наличием новых идей, новейших раскладов к оценке сущности действий денежно-кредитных механизмов. Осуществляется формирование и разработка иных принципов монетарной политики, в базу которых ставятся прагматизм и контроль за соблюдением законов монетарного регулирования на практике. По показателям, опубликованным Агентством прогнозирования экономики, в будущем ожидается кризис мировой валютно-финансовой системы, что приведёт к мировому дисбалансу. В периоды сильного экономического роста требования к капиталу для финансовых учреждений должны быть усилены для создания более высоких запасов капитала (антициклических буферов), чтобы их можно было снизить до приемлемого уровня в случае финансового стресса. Этот антициклический буфер капитала сделает финансовую отрасль более устойчивой к потрясениям и поможет снизить внутреннюю процикличность финансовой системы и экономики в целом. Важные уроки, извлеченные из недавнего финансового кризиса в странах с формирующимся рынком, включают необходимость перехода к более гибкому обменному курсу и политике целевых показателей инфляции в России за последние 25 лет. В условиях быстрой финансовой либерализации, денежно-кредитная политика до сих пор была неэффективной в борьбе с инфляцией и адаптации к внешним шокам. В целом, стра-

ны с формирующейся рыночной экономикой по-прежнему очень уязвимы перед высокой волатильностью притока капитала, и политика по сдерживанию повышения обменного курса вскоре приведет к внутренней инфляции. Важно понимать, что текущие задачи национальной денежно-кредитной политики не могут быть решены по каким-то единым критериям (по курсу, по инфляции и т.д.), как это было в России в 1990–2000 гг. Решение этих проблем требует использования системы контролируемого курса, который учитывает основные факторы формирования денежных потоков и может регулировать диапазон возникающих положительных и отрицательных изменений. Концепция монетаризма, в свою очередь, направлена на избежание последующего обострения финансового упадка и повышения безработицы. Национальная экономика может включать в себя сразу несколько элементов, влияние которых на обстановку экономики способно быть неожиданным. Например, координация между повышением потребительского спроса и эффективностью работы предприятий очевидна, зато зависимость

спроса от объема инвестиций более сложна. Атмосфера, сформировавшаяся в данный промежуток в российском экономическом сегменте, показывает необходимость более масштабного использования монетарного подхода в ведении финансовой деятельности, а также в главных отраслях отечественных компаний. Данная теория управления концентрируется в современных теоретических идеях, ее целью является достижение максимальной экономической производительности. Также, устойчивое повышение конкурентоспособности российской экономики произойдет при наличии эффективной инвестиционно-инновационной деятельности страны. Исследование принципов монетарной школы дает возможность проследить сложные взаимосвязи отдельных структур в экономических системах. Сравнение существующих общепризнанных национальных методов монетарного регулирования с тенденциями развития экономики позволяет нам выявить направления дальнейшего изучения монетарной политики, как основы регулирования экономики России.

Библиографический список

1. *Фетисов Г. Г.* Монетарная политика и развитие денежно-кредитной системы России в условиях глобализации: национальный и региональные аспекты — М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2008–509с.
2. *Балацкий Е. В.* Индекс монетарной эффективности и его приложения / Е. В. Балацкий и Н. А. Екимова. — М.: «Перо», 2017–197с.
3. *Балацкий Е. В.* Краткосрочное прогнозирование с использованием индекса монетарной эффективности // Проблемы прогнозирования / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова. -№ 4, 2018–128с.
4. *Закирова Д. Ф.* Оценка влияния экономических санкций на банковскую систему Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права / Д. Ф. Закирова, Э. Ф. Закирова. -№ 1, 2018–350с.
5. *Койбаева М. Х.* Финансовое регулирование экономики в современных условиях // Азимут научных исследований: экономика и управление. -№ 4, 2014–138с.
6. *Ильина Т. Г.* Теоретико-методологические основы создания мегарегулятора финансового рынка в России // Проблемы учета и финансов. -№ 2, 2013–200с.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº7 (157)
2021**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФЦ 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 31.07.2021

Format 60x84/8

Printed signatures 7.32

300 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

- Voronina G.A.** Stages of development of criminal responsibility for expulsion of fetus in the Russian Empire 57
- Gibadullin R.S., Medentseva E.V.** Features of involving the person exercising the functions of the single executive body to subsidiary liability outside the bankruptcy procedure 57
- Zharov S.N., Bunin E.S.** On the emergence and development of the institution of criminal liability for illegal export of currency values abroad in pre-revolutionary Russia 59
- Radoshnova N.V., Varfolomeeva T.V., Karlik S.M.** The decision of the Nuremberg International Military Tribunal as a legal basis for criminalizing crimes against humanity 59

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

- Abasheva E.A., Kolesnikova E.V.** Implementation of integration processes in the field of customs policy of Russia – the subject of the EAEU, through information support 60
- Mamedov S.J.** Legal regulation of corporate contracts in foreign countries 61
- Yakubov M.L.** Main problems of legal regulation of corporate governance relations in the USA, EU and Russian Federation 62

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

- Magomadov E.M., Murtazalieva A.K.** Features of the concept of monetarism in the Russian economy 63

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE**

**STAGES OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY
FOR EXPULSION OF FETUS IN THE RUSSIAN EMPIRE**© 2021 **Voronina Galina Alexandrovna**

Caspian Institute of Sea and River Transport branch of FGBOU VO «VGUVT»

Associate Professor of the Department of Humanities and English

E-mail: gavoronina@mail.ru

This article highlights the main stages of the formation of criminal responsibility for the expulsion of fruit in Russia. Based on the analysis of various normative legal acts regulating responsibility for a given corpus delicti at various stages of the development of the Russian state, the author identifies three stages in the development of criminal responsibility for this crime.

Keywords: fertility, legal act, criminal responsibility, codification, crime, infanticide, illegitimate, death penalty.

**FEATURES OF INVOLVING THE PERSON EXERCISING THE FUNCTIONS
OF THE SINGLE EXECUTIVE BODY TO SUBSIDIARY LIABILITY OUTSIDE
THE BANKRUPTCY PROCEDURE**© 2021 **Gibadullin Ravil Sagitovich**

Graduate student of the Department of Legal Support of Economic Activity

Samara State University of Economics, Samara, Russia

© 2021 **Medentseva Evgeniya Vladimirovna**

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity

Samara State University of Economics, Samara, Russia

One of the novelties of the institution of subsidiary liability in bankruptcy, introduced as a result of the reform of 2017, was the possibility of bringing to subsidiary liability the debtor's controlling persons outside the framework of the bankruptcy case in cases of termination of the bankruptcy proceedings due to insufficient funds to cover the costs of the bankruptcy procedure or return applications for declaring the debtor bankrupt to the authorized body. In this regard, the arsenal of means of bringing the heads of legal entities to subsidiary liability has replenished again.

The purpose of the presented work is to study the features of bringing the debtor's controlling persons to subsidiary liability outside the framework of the bankruptcy case, which contributes to the development of doctrinal developments on this issue and the development of new proposals for improving the current legislation. In particular, the paper analyzes the norms of the bankruptcy law that define the circle of persons who have the right to file an application for subsidiary liability outside the framework of a bankruptcy case. It is concluded that this part of the legislation contains contradictory and ambiguous provisions. In this connection, it is proposed to make changes and additions to p.3 and 4 of Art. 61.14 of the Law on Bankruptcy, eliminating the identified problems. Thus, it is proposed to give creditors the right to file an appropriate application in the event of termination of bankruptcy proceedings prior to the introduction of the observation procedure, as well as to eliminate the discrepancies in the definition of the circle of persons entitled to apply for subsidiary liability, provided for in p. 3 and 4 Art. 61.14 of the Law on Bankruptcy.

Keywords: subsidiary liability, bankruptcy, debtor's controlling persons, termination of bankruptcy proceedings, return of an application for declaring the debtor bankrupt.

References

1. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2013 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 04.06.2014). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. No. 9.
2. *Gibadullin R. S.* Attraction to subsidiary liability of persons controlling the debtor at the termination of proceedings in the case of bankruptcy or return of the application of the authorized body for recognition of the debtor as bankrupt. Aktual'nye problemy razvitiya pravovoy sistemy v tsifrovuyu epokhu: materialy II Mezhdunarodnogo yuridicheskogo nauchnogo simpoziuma (15 sentyabrya 2020 g., Samara). Samara, 2020, pp. 13–16.
3. *Gutnikov O. V.* Korporativnaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave [Corporate responsibility in civil law]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019, 488 p.
4. *Gutnikov O. V.* Subsidiary liability for non-fulfillment of the obligation to file a bankruptcy application: new rules. Khozyaystvo i pravo, 2018, No. 2 (493), pp. 92–108.
5. *Gutnikov O. V.* Responsibility of controlling persons for the obligations of a liquidated legal entity: pro et contra. Tsivilistika, 2020, No. 5, pp. 214–246.
6. *Shitkina I. S.* Property liability of persons controlling the debtor in bankruptcy: regular legislative novels. Khozyaystvo i pravo, 2017, No. 11 (490), pp. 41–61.
7. *Shitkina I. S.* Responsibility of persons controlling the debtor in insolvency (bankruptcy). Khozyaystvo i pravo, 2017, No. 8 (487), pp. 3–24.
8. *Shitkina I. S.* Responsibility of actually controlling persons in corporate law. Zakon, 2018, No. 7, pp. 114–133.
9. *Lotfullin R. K.* Subsidiarnaya i inaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve [Subsidiary and other liability of persons controlling the debtor in bankruptcy]. Moscow: Saveliev, Batanov & Partners, 2021, 860 p.
10. *Rykov I. Yu.* Subsidiarnaya otvetstvennost': tendentsii sovremennogo menedzhmenta [Subsidiary liability: trends of modern management]. Moscow, Statute, 2019, 195 p.
11. *Suvorov E. D.* Subsidiarnaya otvetstvennost' po obyazatel'stvam nesostoyatel'nogo dolzhnika [Subsidiary liability for the obligations of an insolvent debtor]. Moscow, Statute, 2020, 207 p.
12. *Dolgoruky A. I.* Subsidiary liability of controlling persons outside the framework of the bankruptcy case. Evraziyskiy yuridicheskij zhurnal, 2020, No. 12 (151), pp. 165–166.
13. *Zhukova T. V.* Attraction to subsidiary liability of persons controlling the debtor outside the framework of the bankruptcy case. Molodoy uchenyy, 2021, No. 16 (358), pp. 254–256.
14. *Stepanyan E. K.* Actual issues of bringing controlling persons to subsidiary responsibility outside the framework of the bankruptcy process. Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya, 2021, No. 69–4, pp. 129–131.
15. *Altukhov A. V., Levichev S. V.* Procedural features of consideration of applications for bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy. Sud'ya, 2018, No. 4, pp. 27–32.
16. *Svetlichny A. V.* Subsidiary liability of controlling persons outside the framework of the bankruptcy case. Economics. Law. State, 2019, No. 6 (8), pp. 49–70.
17. *Chechel V. M., Kovalenko T. S.* Problems of attracting persons controlling the debtor to subsidiary liability outside the framework of the bankruptcy case. Innovatsii. Nauka. Obrazovaniya, 2021, No. 31, pp. 619–626.
18. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 24.04.2019). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 10.
19. Review of the judicial practice of resolving disputes related to the establishment of claims of controlling debtors and affiliated persons in bankruptcy procedures (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29.01.2020). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 7.
20. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 16.08.2017 No. CA-4-18/16148@ «On the Application by Tax Authorities of the Provisions of Chapter III.2 of Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002». Official website of the Federal Tax Service: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/6968310/. Accessed: 26.05.2021.

ON THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL EXPORT OF CURRENCY VALUES ABROAD IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

© 2021 **Zharov Sergey Nikolaevich**

Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
E-mail: serzhar@mail.ru

© 2021 **Bunin Evgeny Sergeevich**

Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Institute of Law
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
E-mail: eugeny.bunin@yandex.ru,

The article is devoted to the study of the emergence and development of criminal liability for the illegal export of currency values abroad. The accumulation of gold and silver and coins from these metals was considered as a mandatory element of the country's economic power. The development of legislation showed the transition from mercantilist ideas to protectionist ones and further to the liberalization of customs policy, although extremely inconsistent. The study made it possible to conclude that currency values limited to export are specified: first they are coins, then unprocessed gold and silver and products from them, as well as securities. Subjects of legal relations are specified, first merchants, then all passing, special subjects are identified: diplomats, as well as bank employees and their owners. The work uses dialectical, historical, comparative legal, formal legal and other methods.

Keywords: history of Russia, customs policy, currency values, criminal liability, mercantilism, protectionism, illegal export of currency, payment of agents.

THE DECISION OF THE NUREMBERG INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL AS A LEGAL BASIS FOR CRIMINALIZING CRIMES AGAINST HUMANITY

© 2021 **Radoshnova Natalia Valerievna**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal
Procedure
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
E-mail: radoshnova@bk.ru

© 2021 **Varfolomeeva Tatiana Valerievna**

Bachelor, Faculty of Law
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
E-mail: varfotatyana@yandex.ru

© 2021 **Karlik Sofia Mikhailovna**

Bachelor, Faculty of Law
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
E-mail: soniakarlik14@gmail.com

The relevance of this article is not even that it is published in the year of the 80th anniversary of the beginning of World War II, but, first of all, in the growing coma of attempts to rewrite the history of the Great Victory and level its significance for humanity, to escape the criminalization of Nazism. It was the results of the Nuremberg International Military Tribunal that served as the basis for the criminalization

in criminal law of many countries, not only Russia, as crimes against humanity. In Russian legislation, the legislator placed responsibility for such crimes in a separate section of the Criminal Code of the Russian Federation — Section XII. Crimes against peace and humanity.

Keywords: Nuremberg trials, International Military Tribunal, crimes against humanity, criminalization of wartime crimes

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

IMPLEMENTATION OF INTEGRATION PROCESSES IN THE FIELD OF CUSTOMS POLICY OF RUSSIA — THE SUBJECT OF THE EAEU, THROUGH INFORMATION SUPPORT

© 2021 **Abasheva Ekaterina Aleksandrovna**

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service
of the Institute of Economics and Management
Belgorod State University, Belgorod, Russia
E-mail: abasheva229@mail.ru

© 2021 **Kolesnikova Elena Valentinovna**

Assistant of the Department of Social Technologies and Public Service
of the Institute of Economics and Management
Belgorod State University, Belgorod, Russia
E-mail: elena.kolesnickowa@yandex.ru

The reasonable conduct of diplomatic and economic relations, the development and adoption of unified legislation in the field of customs policy in the format of the Eurasian Economic Union, undoubtedly contribute to the strengthening and stabilization of international relations of the EAEU member states. By implementing joint projects that are consolidated at the legislative level, the states united in the Union ensure the protection, among other things, of the national interests of their economies. The article shows the «supranational» nature of the legal norms regulating information support in the field of customs policy using specific examples and presents their implementation at the federal level of the Russian state.

Keywords: information support, integration processes, customs policy, Eurasian integration, supranational status of the legislation of the Eurasian Economic Union.

References

1. The Agreement on the Eurasian Economic Commission of 18.11.2011 (expired on 01.01.2015) / Online directory «Customs documents». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/11z00000/> (accessed: 15.07.2021)
2. The Treaty on the Eurasian Economic Union. (Signed in Astana on 29.05.2014) (ed. from 01.10.2019) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed: 15.07.2021)
3. The Agreement on the Customs Union and the Common Economic Space. (Signed in Moscow on 26.02.1999) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31914/ (accessed: 15.07.2021)
4. On the State program of the Russian Federation « Information Society (2011–2020): Decree of the Government of the Russian Federation of October 20, 2010 N 1815-r (expired) / Garant. URL: <https://base.garant.ru/199708/> (accessed: 15.07.2021)

5. On State control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020 (as amended on 11.06.2021) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (accessed: 15.07.2021)
6. On the classifier of types of identity documents: Decision of the EEC Board of 02.04.2019 No. 53 / Online directory «Customs documents». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19kr0053/> (accessed 15.07.2021)
7. On non-tariff regulation measures: Decision of the EEC Board of 21.04.2015 No. 30 (ed. of 20.04.2021) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/ (accessed: 15.07.2021)
8. On the Movement of goods by Individuals in accompanied baggage « Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 17.04.2018. No. 03–10–03/25651 / Garant: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71854108/> (accessed: 15.07.2021)
9. On customs regulation in the Russian Federation: Federal Law No. 289-FZ of 03.08.2018 (as amended on 20.04.2021) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (date of application: 15.07.2021)
10. On the Federal Target Program « Electronic Russia (2002–2010)»: Decree of the Government of the Russian Federation No. 65 of 28.01.2002 (expired) / Garant. URL: <https://base.garant.ru/184120/> (accessed: 15.07.2021)
11. On the circulation of medicines: Federal Law No. 61-FZ of 12.04.2010 (as amended on 11.06.2021) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (accessed: 15.07.2021)
12. On determining the procedure for performing customs operations in respect of goods sent in international mail in the Russian Federation, including the affixing of appropriate marks by the customs authority, as well as the procedure and form of submission to the customs authority of information used in performing customs operations in respect of these goods through the information systems of customs authorities: *Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 190n* of 11.09.2020 / Online directory «Customs Documents». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20a00190/> (accessed 15.07.2021)
13. On certain issues related to goods for personal use: Decision of the EEC Council of 20.12.2017 No. 107 (ed. of 11.09.2020) / Online directory «Customs documents». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/17sr0107/> (accessed 15.07.2021)
14. On approval of the Administrative Regulations of the Federal Customs Service for the Provision of State Services for Maintaining the Customs Register of Intellectual Property Objects: Order of the Federal Customs Service of Russia No. 131 dated 28.01.2019 / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326464/b4a46907460ed7f45f557877aad1ffcc1ea8b7d1/#dst100013 (accessed 15.07.2021)
15. Regulations on the Eurasian Economic Commission: Annex No. 1 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29.05.2014 (as amended on 01.10.2019) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8e3543f8dc9861d6acfa6a0c6678b972da1d07d0/ (accessed: 15.07.2021)
16. Protocol on Information and Communication Technologies and Information Interaction within the Framework of the Eurasian Economic Union: *Annex No. 3* to the Treaty on the EAEU of 29.05.2014 (as amended on 01.10.2019) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/aa0c4fa9ba641f06aaea596cd1596d2c7a7e2107/ (accessed 15.07.2021)
17. Customs Code of the Eurasian Economic Union of 01.01.2018 (as amended on 29.05.2019) / ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (accessed 15.07.2021)
18. *Yakushenko K. V.* Unified information space of the Eurasian Economic Union: prerequisites for the creation and measurement of development // Economic and socio-humanitarian studies. 2019. No. 4 (24). Pp. 42–48.

LEGAL REGULATION OF CORPORATE CONTRACTS IN FOREIGN COUNTRIES

© 2021 **Mamedov Suleyman Javanshirovich**

Master's degree student

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: mamedov.sulejman2016@yandex.ru

The Institute of Corporate Contract is a relatively young institute for Russian law, but for the countries considered in this article, this institute is already an established institution.

The consideration of the corporate contract in this article is structured as follows: in each state (Italy, Germany, the United Kingdom and the United States), they addressed such issues as: 1) the formation and genesis of a corporate contract as a regulator of legal relations between members of associations of various organizational and legal forms; 2) some features and specifics of a corporate contract characteristic of individual foreign countries.

At the end, a conclusion was made, where a comparative analysis of the institute of corporate contract in Russia and the countries considered was carried out.

Keywords: corporate law, corporate agreement, foundation agreement, foreign countries, legal entity, civil code, judicial practice.

References

Legal literature

1. *Aliyev T. T.* On the essence of the legal nature of a corporate contract // Civil law. 2015. № 1. P. 19–22.
2. *Varyushin, M.S.* «Civil law regulation of corporate contracts: a comparative analysis»: dis. cand. jurid. sciences': 12.00.03 / M., 2015.— 202 p.
3. *Kozlova N. V.* The concept and essence of a legal entity. An essay on history and theory: A textbook. M., 2003.— 316 p.
4. *Stepanov D. I., Fogel V.A., Shramm H.I.* Corporate contract: approaches of Russian and German law to certain issues of German regulation/ VAS 2012. № . 10. pp. 22–69.
5. *Trubina M. V.* Civil law regulation of joint-stock agreements in Russia and the countries of continental Europe. Dis. cand. jurid. M., 2015.— 194 p.

Electronic resources

6. Model Business Corporation Act (Revised)/The Business Lawyer. 1950. [Электронный ресурс]/ http://www.lexisnexis.com/documents/pdf/20080618091347_large.pdf. (дата обращения: 27. 06. 2021).
7. Nuovo codice civile. [Электронный ресурс] // Universocoop: сайт. URL: http://www.universocoop.it/codice/art_2341-ter.html. (дата обращения: 25. 06. 2021).

MAIN PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CORPORATE GOVERNANCE RELATIONS IN THE USA, EU AND RUSSIAN FEDERATION

© 2021 **Yakubov Muhibbullo Lutfulloevich**

2nd year graduate student

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Senior specialist in financial and legal analysis LLC MSK «BL GROUP»

Email: muhibbullo_97@mail.ru

Scientific adviser: Candidate of Law, Associate Professor — Dakhnenko Svetlana Sergeevna

The author of the article revealed and analyzed problems of corporate governance in the USA, the Russian Federation, EU. So, for the example of regulating the legal status of members of government bodies in the United States, the author considers the influence of such a feature of regulatory regulation as the regulation of corporate relations at the state level, which leads to certain contradictions at the USA's level. The author also analyzes tools used in law-enforcement practice to determine the unfair behavior of individuals.

With regard to EU legislation, the author analyzed the EU's attempt to eliminate existing problems and contradictions in the corporate governance of the participating countries, including on the issue of removing the «corporate veil», by developing an Action Plan for the modernization of Corporate law and improving corporate governance.

The author analyzes such problems of corporate governance in the Russian Federation as the implementation of corporate governance when inheriting shares in an LLC, the protection of the rights of

a bona fide buyer of shares in an LLC.

Based on the results of the work, the author assessed the nature of the problems arising in the process of legal regulation of corporate governance in the EU, the USA, and the Russian Federation.

Keywords: corporate governance, EU law, the «corporate veil», inheritance of shares.

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

FEATURES OF THE CONCEPT OF MONETARISM IN THE RUSSIAN ECONOMY

© 2021 **Magomadov Emin Muhadinovich**

Candidate of the economic sciences, Associated professor,
Assistant professor of the pulpit of the account, analysis and аудита in digital economy
Chechen State University, Grozny, Russia

© 2021 **Murtazalieva Amina Khamzatovna**

3 courses of the Institute of the economy and finance
Chechen State University, Grozny, Russia

This article analyzes the monetary regulation of the Russian economy. The relevance of the study is determined by the need for the concept of methods of regulating the economy. The study examines the GDP growth rates before and after the introduction of international sanctions, the instruments of monetary policy in Russia and the basic concept of monetarism. The information base of the research was official publications within the IMB project office, developments of the Agency for Strategic Initiatives, the Federal Agency for Scientific Organizations, Internet resources and the authors' own developments.

Keywords: monetary policy, GDP, monetary climate, monetary system, information environment.